

Надежда ПТУШКИНА

ЖЕМЧУЖИНА ЧЁРНАЯ, ЖЕМЧУЖИНА БЕЛАЯ

Романтическая драма в 2-х частях, 10 картинах

Внимание: любое (коммерческое, благотворительное, профессиональное, любительское) публичное исполнение пьесы возможно исключительно с **разрешения автора**. Для исполнения пьесы, будь то в России или за рубежом, необходимо получить разрешение заранее, обратившись **лично к автору** по адресу ptushkina@mail.ru.

Автор **не разрешает** вносить какие-либо изменения в текст, сокращать или менять местами сцены, менять имена или возраст героев, а также переименовывать пьесу.

Нарушение авторских прав преследуется по закону Российской Федерации и по нормам международного законодательства.

Надежда Птушкина готова безвозмездно разместить вашу информацию (в том числе рекламного характера), фотографии, видеоматериалы на своем сайте <http://ptushkina.com> о спектаклях (в любой точке мира), фильмах и радиопередачах по ее пьесам.

Действующие лица

АИДА

АМНЕРИС

РАДАМЕС

ФАРАОН

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ

АМОНАСРО

АХМАД

ПИСЕЦ

ХУДОЖНИК

Рабыни, стражники, свободные граждане, слуги...

Данная пьеса - вольная фантазия на темы оперы Д. Верди “Аида”, с использованием образов героев и некоторых мотивов сюжета либретто Камилла дю Локля и Гисланцони.

Рассматривать описанные здесь события, обычаи и нравы, а также образы, с точки зрения исторического правдоподобия столь же нелепо как, допустим, в сказке “Финист - Ясный Сокол” устанавливать подлинное время и место действия и искать прототипы героев.

... Действие происходит в Египте только потому, что автора с детства прельщали герои и события оперы “Аида”. Египет здесь столько же Египет сколь Дания является Данией в “Гамлете”.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

АИДА

Картина 1

Ночь. Аллея, ведущая к воротам храма. По сторонам аллеи сфинксы. Вдали пилоны и группа из статуй богов.

У входа в аллею Ахмад с факелом и Радамес.

АХМАД. (смеётся) Ты чересчур поспешно увлёк меня сюда, едва корабль коснулся берега. Я ещё не привык к твёрдой земле под ногами! И странно... кругом не вода, а деревья, статуи, Храм... (хохочет) Я счастлив как пьяница, который может пить, не отравляя себя мыслью, что придётся протрезветь! И творит, что хочет! Затекает драки, зная, что его надёжно поддержит компания таких же, оголтелых, как он сам. Эфиопия - позади! А впереди - награды, делёж добычи, и одобрение Богов. И сбудутся все мечты, которыми я утешался ещё дитём, когда приобщали меня к воинскому труду. Как проклинал я родителей за то, что отдали меня в казарму! Сколько шрамов на голове и теле, от рукопашных боёв с палками! И только теперь, когда вырос, оценил детство в казарме!.. Теперь куплю, наконец, колесницу и двух коней. И проеду мимо дома родителей! И заблестят на солнце золотые диски упряжи, и забьются на ветру цветные ленты... Всё, всё-всё, когда-то недоступное, будет теперь моё! О, Ахмад умеет мечтать! И добиваться! (смеётся и бьёт Радамеса по плечу) Ноги дрожат! За долгое плавание отвык бегать столь быстро. Сначала ты увлёк меня во дворец Фараона! Ты пошептался с начальником стражи, и мы устремились сюда, к Храму! Я еле поспел за тобой! Всё это выглядит таинственно... (хохочет) Но я догадываюсь! Догадываюсь... (заливается хохотом и, шутя, толкает Радамеса) Я догадываюсь! Меня не проведёшь! Я же твой верный друг! И я знаю про тебя всё, Радамес! Всё!!! (хохочет) А сейчас нам следует вернуться к кораблю и надзирать за разгрузкой.

РАДАМЕС. Подожди!.. Ахмад, ты мне друг, и я могу доверить тебе свои тайны... Мне не терпится увидеть Амнерис.

АХМАД. (обнимает Радамеса и лукаво напевает) “День я не видел тебя и брожу как больной. Сердце заходится от твоего голоса. До тебя подать рукой, но не знаю дорогу к тебе.” Радамес! Если верблюдица не пила тридцать дней, то вытерпит и ещё три дня! Увидишь Амнерис завтра, а сейчас вернёмся к кораблю!

РАДАМЕС. погоди, Ахмад! Я не хочу утаивать от тебя ничего. Фараон перед походом намекнул, что если я покорю Эфиопию, то могу надеяться получить в жёны Амнерис... лишь бы сама Амнерис пожелала.

Ахмад свистит, выражая восхищение.

РАДАМЕС. Но Фараону трудно решиться на этот шаг. Я вижу - он ценит меня и уважает. Но я незнатен и безроден, хоть и вырос во дворце.

АХМАД. (удивлён) Ты не родственник Фараона?

РАДАМЕС. Я приплыл в корзине по Нилу совсем крошкой и не знаю своего происхождения. Но уверен, я - египтянин! В корзине был единственный дар - погребальные одежды. И только родители-египтяне могут так одарить новорожденного. Меня принесли Фараону, и он сказал: “Ребёнок улыбается. Из него вырастет храбрый и стойкий воин. Пусть дар Нила останется во дворце. У меня нет сына. Возможно, Надежда Птушкина. *Жемчужина черная, жемчужина белая.* <http://ptushkina.com>

мальчика послали мне Боги.“ И теперь Фараон взвешивает мои изъяны и достоинства. Предложит ли он мне Амнерис в жёны? И пожелает ли сама Амнерис?

АХМАД. (с большим любопытством) Ну, и как она на это смотрит? Ты говорил с ней... о любви?

РАДАМЕС. Я открою моё сердце перед тобой до конца. И ты узнаешь обо мне столько же, сколько знаю о себе сам. Амнерис - самая драгоценная жемчужина Нила! День и ночь я страстно желаю жениться на ней. И... править Египтом рука об руку... Да, да, может наступить и такое время! Амнерис умна, образованна, горда. Она - само величие! Нести бремя власти с ней вместе - мне по силам. И сладость власти радостно делить с ней! Я люблю... люблю Египет до безумия! Люблю бесплодные пустыни, где, едва зазеленев, листья увядают под солнцем. Люблю бег верблюдов! Сейчас я не мог насытиться пылью переулков и запахами прогорклого масла. А смуглые и душистые берега Нила! Мутный и глинистый, в щебне, мусоре и камнях, Нил для меня красив как райские реки! Вечно в пути, а будто стоит на месте! Чуть возмутится и запенит густую струю, и с львиным рычанием вздымает свою гриву. Египет - вот мать моя, сестра и возлюбленная! Я буду править здесь!

АХМАД. Египет кажется раем, после Эфиопии, где бездорожье и гнилые болота, где зайцы с квадратными ушами и грифоны с человеческими головами.

РАДАМЕС. Мне не терпится взглянуть на Амнерис, застать врасплох и уловить хоть тень её намерений! Мелькнет ли в ней радость, когда я столь внезапно пред ней предстану? Я уплыл, когда едва начали дуть нежные ветра, а ведь скоро могут задуть грубые.

АХМАД. (тихо посмеивается) Теперь понимаю, почему ты загрузил целый корабль живыми цветами...

РАДАМЕС. Утром Амнерис выступит мне навстречу по коврам невиданных здесь благоухающих цветов. И станет имя её - “Одарённая цветами”.

АХМАД. Но это не первый твой дар Амнерис! Река была непроходима, и ты отправил корабль по морю. Рискнул и кораблем, и грузом! Буря разразилась едва корабль исчез из виду. Поднялся ветер и всколыхнул восьми локтевые волны.

РАДАМЕС. Мне шепнули во дворце, что тот корабль сюда добрался. Но не знаю, понравились ли Амнерис мои дары? Благовония и рабыни. Оставила ли всё это Амнерис себе? И, пользуясь моими дарами, вспоминает ли меня? Сейчас она в Храме. Молится о победе египтян. Может, и о моём возвращении? Я жажду иметь в ней союзницу!

АХМАД. Мы можем прождать долго. Я оставлю тебя, а сам побегу к кораблям, присмотрю за разгрузкой.

РАДАМЕС. Не бросай меня! Ты нужен мне сейчас! Я чувствую, - ждать недолго. Амнерис вот-вот появится. Не уходи! Мне нужны твои глаза. И твой ум. И твоё хладнокровие. Я робею пред Амнерис. Она так величественна! С ней рядом я всегда помню, что я только мальчик, выловленный из Нила. Ты осветишь её лицо факелом и не сведешь внимательного взора. И отследишь малейшее движение глаз и губ. Не бросай меня сейчас! Ты же друг мне!

АХМАД. Хорошо... хорошо... Но не будь безрассуден, как мальчишка! Ты же славный полководец, покоривший эфиопов!

РАДАМЕС. Я не забуду тебя, Ахмад. Если взойду на трон, мы с тобой поработим все народы! И они смиренно станут свозить дань к подножию моего трона! Во славу Египта!

Раздаётся тихий стон.

АХМАД. Тсс... Слышишь?

РАДАМЕС. Почти... Так, что-то словно прошелестело с дуновением ветерка... Я буду подобен бегущему огню, который ничем не затушить! Но для своих друзей, Ахмад, я сделаю...

АХМАД. Тсс... Погоди... Надо поглядеть.

РАДАМЕС. (смеётся) Излишняя осторожность. Мы не в Эфиопии уже, а в сердце Египта, между Храмом и дворцом Фараона.

АХМАД. Привычка воина. Взгляну хотя бы из любопытства. (освещает всё вокруг себя факелом)

РАДАМЕС. Оставь! Должно быть, ночная птица встрепелась на ветке спрсонок!

АХМАД. (что-то увидел) Птица? Скорее, обезьяна. (смеётся) Вот и находка! Взгляни-ка туда! (освещает спящую Аиду, свернувшуюся клубком под сфинксом)

РАДАМЕС. (смеётся) Действительно, обезьянка!

АХМАД. Какая уродливая девчонка! Черна, словно обожжена солнцем. И что за лохмотья на ней!

РАДАМЕС. Похоже, эфиопянка. Уж не из тех ли рабынь, что я отправил в дар Амнерис?

АХМАД. Наверняка! Безобразна, как все эфиопянки. И почему она валяется здесь у Храма среди ночи и спит?

РАДАМЕС. Всё сходится. Амнерис - в Храме, рабыня - здесь. Уснула, поджидая госпожу. Это - удача для меня!

АХМАД. Позабавимся от скуки! Попугаем её!

РАДАМЕС. Позабавимся. Но иначе. Убери свет, а то она разглядит нас. Притаись там, за львами! А я с ней поговорю! Рабыни и наблюдательны, и болтливы. Я порасспрашиваю об Амнерис.

АХМАД. Эфиопянка не доверится египтянину.

РАДАМЕС. Она не разглядит меня во тьме. А я прикинусь эфиопом и заговорю на её языке. Она обрадуется соотечественнику и не станет таиться.

АХМАД. Хорошо... хорошо... А я покараулю Амнерис. Предупрежу тебя свистом соловья.

РАДАМЕС. Спасибо, друг!

Ахмад с факелом скрывается за львами. Радамес подкрадывается к спящей Аиде и трогает её за локоть.

РАДАМЕС. Очухайся, сестрёнка! Не спи как страус!

Аида мгновенно вскакивает на ноги и бежит прочь. Радамес едва-едва успевает подставить подножку. Аида падает. Радамес бросается на неё и прижимает к земле.

РАДАМЕС. Куда мчишься, как борзая собака?!

Аида изловчается и кусает его. Радамес вскрикивает и прижимает к земле её голову.

РАДАМЕС. Э, кусаешься! Да ты опаснее леопарда, сестрёнка!

АИДА. Кто ты?

РАДАМЕС. Твой брат.

АИДА. Раб?

РАДАМЕС. Рабом пусть зовут меня другие! Но сам о себе знаю - не раб и рабом не буду.

АИДА. Не вижу тебя во тьме. И голос незнаком. Ты не плыл с нами на корабле, и в Египте я тебя не встречала.

РАДАМЕС. Я приплыл позже.

АИДА. Позже не было кораблей с пленными из Эфиопии.

РАДАМЕС. Корабли причалили сегодня ночью.

АИДА. (резко вырывается и отскакивает от него) Сегодня ночью? И как ты здесь оказался? Так далеко от берега?

РАДАМЕС. Хочу бежать!

АИДА. (бросается к нему) Безумец! Вернись к кораблю, пока тебя не хватились! Из Египта не убежать в одиночку! Мы не схожи обликами с египтянами! Любого из нас схватят, а за побег жестокая казнь!

РАДАМЕС. Я последую твоему совету. Но как найти тебя днём? Как тебя зовут? Кто воображает себя твоим господином?

АИДА. Я - Аида. Я преподнесена в дар Амнерис, дочери Фараона.

РАДАМЕС. Зачем же ты среди ночи здесь?

АИДА. Амнерис в Храме. А я жду.

РАДАМЕС. О чём же царственная египтянка просит богов среди ночи? Что ей приспичило?

АИДА. Просит, чтоб египетский военачальник Радамес вернулся живым и поскорее.

РАДАМЕС. (не может скрыть радости) Ты уверена?

АИДА. Да. Будь он проклят!!!

РАДАМЕС. Ты так сильно ненавидишь его?

АИДА. Сейчас здесь проклинала его и просила Христа послать смерть Радамесу и всем египтянам. От ненависти утомилась и уснула. Хорошо, что ты разбудил!

РАДАМЕС. Желание Амнерис, чтоб Радамес вернулся, сильнее твоей ненависти! Она просит Богов неутомимо, а ты уснула! Я слышал кое что, пока плыл на корабле. Вроде бы она... любит Радамеса?

АИДА. Амнерис любить не дано. Любят живые, а она мертва.

РАДАМЕС. Амнерис... мертва?..

АИДА. Ей-то кажется, она - живая! Всем египтянам кажется, будто они живые! Но Египет - страна мертвых! Здесь смерть любят больше жизни! Мертвецов чтят больше, чем живых! Гробницы строят красивее и прочнее домов! Города их превратятся в пыльные холмы, усеянные глиняными черепками, и зарастут папирусами, а гробницы будут стоять вечно! Здесь всё ради смерти! Новорожденным дарят погребальные одежды. Чувствуешь, чем пахнет ночь? Тлением и смертью. И не бывает дождей! И всюду кишат крысы, ящерицы, змеи... тучи мух! У людей от губ пахнет ладаном, как от гробов. А далеко-далеко отсюда пение птиц не смолкает день и ночь! И кажется, само пение источает благовоние! О, как сладко пахнет Эфиопия! И прилетает из Аравии птица Феникс и приносит счастье. Там, на берегу моря, кидает ветер пригоршни белой пены на зелёные сочные кроны сосен! И остро пахнет сухой травой и зверем. И к хижинам на рассвете подходят жирафы. Но говори, говори и ты!

РАДАМЕС. Что говорить?

АИДА. Всё что угодно о милой нашей Эфиопии!

РАДАМЕС. Там... болота и ... птицы...

АИДА. Да! Множество птиц несметными тучами зависают над болотами и вдруг обрушиваются и рассыпаются на яркие пёстрые цветы! И словно они не с небес, а выросли тут, на болоте. И распустились на закате. А на заре их перья блистают как огонь! Ну, говори же ещё, говори! Ты говоришь прекрасно!

РАДАМЕС. Там слоны...

АИДА. Идут на водопой! И кажется - на свете есть только слоны и свобода! Они идут сквозь всё! И нет им преград! Земля дрожит под ними, и деревья расступаются! И, истомлённые, падают слоны на землю! И вокруг озёр не видно ничего - только слоны лежат и набираются сил! И самые храбрые дети бегают по слонам и трогают их за хоботы. Но говори же, говори! Как хорошо ты говоришь! Ты сражался за свободу Эфиопии?

РАДАМЕС. Да.

АИДА. С кем рядом ты сражался?

РАДАМЕС. С Амонасро.

АИДА. (вскрикивает) С Амонасро?!

РАДАМЕС. Ты знаешь его? Хотя, вся Эфиопия его знает.

АИДА. Какие новости о нём? Он жив?

РАДАМЕС. В плену.

АИДА. (вскрикивает) В плену? Амонасро здесь, в этом проклятом Египте? (порывается бежать) Где он?

РАДАМЕС. (хватает её за руку) погоди! Его везут на корабле, что отстаёт на день пути от того, на котором приплыл я. Он будет здесь завтра.

АИДА. Амонасро станет рабом Фараона?!

РАДАМЕС. Египтяне не знают Амонасро в лицо. Они забили насмерть сотни молодых эфиопов, требуя указать старого Амонасро, но никто не выдал его.

АИДА. Хвала Иисусу! Не напрасно египтяне боятся Амонасро! (плачет)

РАДАМЕС. Что ты так переживаешь за него?

АИДА. Он - мой отец! Он не смирится с рабством. Я укажу его тебе! Ты сможешь бежать с ним и с его людьми. Лишь бы египтяне не распознали его, лишь бы его никто не предал! Потому что тогда его сразу казнят! Как хорошо, что я встретила тебя. Мне было так одиноко и страшно в этом мертвом Египте!

РАДАМЕС. Я тоже рад, что тебя увидел.

АИДА. Ты появился и принёс мне вести. Я узнала - отец мой жив! И мы никогда не сдадимся. Мы будем свободны! Вот и ты, едва ступил на ненавистный берег, а уже бесстрашно готов сбежать! Но время пока не настало! Прокрадись незаметно обратно. Будь терпелив! Когда ночь, как покрывало, соскользнет с тела земли, вспомни меня! А, когда от слёз снова станут тяжелы мои ресницы, я вспомню тебя! Чтобы оградить себя от тоски и одиночества - вспомни меня! Когда горячей трелью зальётся соловей на заре - вспомни меня! Вспомни, что ты больше не одинок в Египте! У тебя есть я! А у меня есть ты!

Трель соловья.

АИДА. Соловей?.. Как нынче рано! Значит, солнце вот-вот взойдёт!

Радамес вскакивает.

АИДА. Уже уходишь? Чуть помедли! Хочу взглянуть в твоё лицо! (следует за ним) Помедли! Уже пожар безмолвный охватывает небо! И скоро я разгляжу тебя! погоди! Обернись на мгновенье!

От пилонов в сторону Радамеса и Аиды направляются Амнерис и Верховный жрец.

АМНЕРИС. Ещё темно, а соловей запел. Не есть ли это знак, Верховный жрец?

АИДА. (Радамесу) Амнерис и Верховный жрец! Беги! Пока они тебя не углядели! Беги! Я задержу их и спасу тебя!

Радамес, тут же забыв про Аиду, направляется к Амнерис.

АИДА. Куда, безумец? Беги от них!

АМНЕРИС. Голос Аиды. Она кричит, а это необычно. Я вижу её. Кто с ней рядом?

Трель соловья умолкла. Выходит из укрытия Ахмад с факелом и издали почтительно опускается на колени и целует землю перед Амнерис и Верховным жрецом. Амнерис и Верховный жрец останавливаются.

РАДАМЕС. (выступает вперёд Ахмада, также целует землю перед Амнерис и тут же подымается) Мир тебе, мир, царевна, любимая Богами, отцом своим и всем народом Египта!

АМНЕРИС. (Верховному жрецу с гордостью указывая на Радамеса) Радамес жив и предомной! Это ли не свидетельство - как сильно любят меня Боги? И как спешат исполнить мои молитвы!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Но ты молилась о победе египтян и о возвращении всего египетского войска!

РАДАМЕС. Египтяне вернулись! Мы победили! Амнерис права - Боги любят её!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. А почему военачальник прятался в кустах? Так ли подобает вести себя победителю?

АХМАД. (Выступает вперёд) Я - верный друг Радамеса. Нас тащила по Голубому Нилу одна канонерка. В сухое время года мы вместе увлекали войско переходить вброд непроходимые реки. А с началом дождей плечом к плечу показывали, что реки, недоступные вплавь, переплыть возможно. А, когда противник отрезал продовольствия, мы делили две чаши воды и двадцать хлебцев. И ссорились, потому что каждый стремился уступить глоток и кусок другому. Мы вместе высадились у устья и возглавили нападение с двух сторон. И вместе победили! Да позволено будет перед лицом царевны сказать мне?

АМНЕРИС. Позволяю!

АХМАД. Мы услышали соловья. И Радамес непременно захотел словить его и преподнести госпоже! Он послал меня в одну сторону, а сам искал в другой.

И тут взошло солнце.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Погаси свой факел. Солнце взошло! Значит, ловил соловья? А поймал обезьяну?! (указывает на Аиду)

Аида вскрикивает и бежит прочь.

АМНЕРИС. Рабыня убегает! Она сошла с ума! (вслед Аиде) Немедленно вернись!

АХМАД. (бросает факел на землю) Я остановлю рабыню! (хватает лук, стрелу и натягивает тетиву)

РАДАМЕС. (кладёт руку на лук Ахмада) Не надо! Рабыня - мой подарок госпоже. (кричит вслед Аиде на её языке) Вернись, сестрёнка! Я не выдам твоих тайн! Ты убегаешь в царство мертвых, которое так ненавидишь! Вернись! Я помогу тебе! Обещаю - тебе не причинят зла!

Аида останавливается вдали.

АХМАД. Не стоит медлить! Упустим! (снова целится в неё)

РАДАМЕС. Не убивай!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. (Радамесу) Ты вернулся и наверняка привёз множество рабынь?

РАДАМЕС. Да. Корабль с рабами прибудет завтра.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. (Ахмаду) Тогда можно убить одну.

АМНЕРИС. Нет. Я дорожу дарами Радамеса.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Рабыни одинаковы. Радамес подарит других. Не правда ли, Радамес? Или тебя что-то связывает именно с этой рабыней?

РАДАМЕС. Что общего может быть у меня с эфиопянкой?

АМНЕРИС. (равнодушно Ахмаду) Убей, если Радамесу всё равно.

Аида медленно начинает приближаться. Ахмад снова целится в неё.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. (Ахмаду) Не надо. Она возвращается сама. Казним её завтра перед всеми рабами. Чтоб никому не повадно было убежать. (связывает руки подошедшей Аиде)

АМНЕРИС. С возвращением на землю Египта, Радамес! Ты победил, и тебя здесь ожидают только радости!

Картина 2

Дворец фараона.

В перспективу уходит анфилада залов. Тронный зал: мозаичный пол; пруд с рыбками и лилиями, с камышами и папирусами, с водоплавающими птицами. Колонны, обвитые плющом и виноградными лозами. На стенах - рельефы; сцены из жизни царской семьи. На первом плане - богато изукрашенный балкон на четырёх изящных колоннах в форме стеблей папируса. Между колоннами скульптурные головы врагов фараона - негров и азиатов, как бы попранные. С балкона во двор ведут две высокие ступени. В тронном зале два кресла простой формы, но богато изукрашенные: ажурные, на четырёх ножках в виде львиных лап; подлокотники завершены львиными головами. Одно кресло побольше и побогаче, с позолотой, серебром и медью. Второе - попроще. Ещё две табуретки с пересекающимися буквой х ножками, оканчивающимися утиными головами. На полу - циновки и подушки. В курильницах вожжены благовония.

В богатом кресле - Фараон. Под спину ему подложены подушки. Крупный светлолицый мужчина, поначалу, он кажется гораздо старше своих лет потому что изнурен тайными болезнями. Коротко подстрижен. На нём только набедренная повязка. Он недвижим. Говорит без интонаций.

Его облачают для церемонии четыре служанки. На них лишь пояски и бусы.

В другом кресле - Верховный жрец. Другие две служанки за спинами Фараона и Верховного жреца машут опахалами из страусовых перьев. На циновке - устроился Писец. На коленях - держит папирус, развернутый примерно на страницу. В руке - кисточка. Рядом - коробка с красками и чаша с водой. Две девушки омывают губками лицо и тело Фараона. Третья обрабатывает ему ногти на руках. Четвёртая - на ногах.

ФАРАОН. (равнодушно) Сегодня - день гармоничный! Я размышляю о совершенстве Богов и воздаю им должное по велению сердца.

Писец, подумав и удивившись, записывает.

ПИСЕЦ. (Бубнит) Сегодня Фараон воздал Богам должное...

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Пусть Боги продлят годы твоего царствия! Ибо, если правит властитель поставленный Богами и происшедший от их Божественной плоти, Египту обеспечены мир и процветание! Щедрые разливы дадут изобильные урожаи. Стада умножатся. Золото, серебро и медь, драгоценное дерево, слоновая кость и благовония станут прибывать со всех четырёх сторон света.

Умолкает и выразительно глядит на Писца. Тот торопливо записывает.

ПИСЕЦ. (бубнит) И произнёс Верховный жрец в безопасный день появления звезды Сириус: "И только властитель, поставленный Богами, должен править Египтом".

Две девушки уносят все аксессуары. Третья девушка начинает втирать благовония в тело Фараона. Четвёртая - окуривает его благовониями.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. (возвышает голос) Но, если Фараон не от Бога, всё канет прахом. Египет придёт в упадок. Каждый станет стремиться к власти. Брат выступит на брата. Раб - на господина. О стыд! О унижение! Когда на троне безродный или иноземец.

ФАРАОН. (невозмутимо) Предопределения судьбы не избежать.

Девушки облачают Фараона в парик и накладную бороду.

Надежда Птушкина. *Жемчужина черная, жемчужина белая.* <http://ptushkina.com>

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Твоё совершенство во всех сердцах. Земля залита твоей любовью. Ты снова заговорил со мной о Радамесе. И снова отвечаю - никогда ничего подобного не делали другие фараоны.

ФАРАОН. Радамес... Что ж... Он получил хорошее образование. Достиг расцвета сил, и нет ему равных на поле битвы. Он рьяно исполняет мои повеления. И потому, угоден мне.

Девушки подвязывают к поясу Фараона передник из нитей бус, увенчанный солнечными дисками. Надевают на ноги сандалии. Убирают его множеством украшений и ожерелий.

Входит нарядная Амнерис в венке из цветов.

ФАРАОН. (ласково и насмешливо) Мир тебе, мир, царевна, любимая отцом своим.

Амнерис подходит к отцу и целует его.

АМНЕРИС. Пусть продлятся дни твои долее других царей. И пусть всегда я буду помнить о добре, что делаешь для меня!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. (Амнерис) Пусть Боги оградят тебя, Царевна, от необдуманных поступков, сулящих беды, катастрофы и несчастья. Пусть любит тебя отец, и почитают египтяне.

АМНЕРИС. (Ласково, но чуть небрежно) Долгой жизни тебе и процветания! (усаживается в стороне на циновку)

На Фараона надевают длинную прозрачную тунику и повязывают пояс. Одна из девушек переходит от Верховного жреца к Амнерис и обмахивает её.

ФАРАОН. (Амнерис) Ты сегодня по-особому украсила голову.

АМНЕРИС. (радостно смеётся) Повсюду вокруг дворца рассыпаны живые цветы! И как благоухают! Догадайся, кто это придумал?

ФАРАОН. Полагаю - Верховный жрец.

Амнерис заливается смехом. Писец фыркает.

ФАРАОН. (Амнерис) Как давно ты не смеялась так весело! Смотрю на тебя - и молодею. Радуюсь - и болезни отступают.

Амнерис смеётся.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. (оскорблено) Я молю Богов с восхода и до заката, чтоб Радамес был в милости у Богов и Фараона. Да будет он жив, здоров и невредим ежедневно. Но я огорчён, что он не почитает древних обычаев и равнодушен к твоим предкам! Как бы из-за него Боги не прогневались и на всех нас!

Амнерис, сидя, начинает жонглировать шариками. Входит Радамес. Все смотрят на него. Амнерис продолжает жонглировать.

РАДАМЕС. Простите, что явился только сейчас. Я был в храме и молился Богам.

Амнерис смеётся и жонглирует.

Надежда Птушкина. *Жемчужина черная, жемчужина белая.* <http://ptushkina.com>

РАДАМЕС. (Фараону) Да будет в твоём сердце милость Богов! Да ниспошлют они тебе любовь твоих предков. Да ниспошлют здоровья, дабы я всегда видел тебя в благополучии.

ФАРАОН. (Радамесу) Подойди! Я обниму тебя.

Радамес опускается перед Фараоном на колени. Фараон обнимает его с явной, но сдержанной любовью.

ФАРАОН. Пусть нерушимы будут твои достоинства! Пусть все твои враги падут. Взгляни же на Амнерис! Что скажешь ей?

Амнерис роняет шарики.

РАДАМЕС. (Фараону) Я предан тебе как сын, сотворенный тобою. Ты дал мне дыхание. Сердце моё без устали ищет, что сделать нужного и полезного для тебя и для Амнерис.

ФАРАОН. И больше твоё сердце не ищет ничего?

РАДАМЕС. Разве не читаешь ты в моём сердце столь же легко как на папирусе?

ФАРАОН. (ласково Амнерис) Дочка знает, как легко я читаю в сердцах.

АМНЕРИС.(Фараону, не без смущения) Поведай о любом своём замысле, и я соглашусь со всем, что скажешь.

Радамес целует пол перед Амнерис.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. (Фараону) Ты назначил меня Верховным жрецом. И никогда я не стремился делить с тобой власть над Египтом. Потому что знаю. Ты - тот, кто умножает добро. Кто умеет дарить и вознаграждать, преданных тебе. Ты - тот, кто не совершает поспешных поступков, не испросив разрешения у Богов.

ФАРАОН. (благосклонно кивает Верховному жрецу, но обращается к Радамесу) Я имею вести, что ты разгромил враждебные племена и вернулся с пленными и богатой добычей?

РАДАМЕС. Корабли нагружены весьма тяжело. Две тысячи шестьсот стволов черного дерева, чистая слоновая кость, восемьдесят тысяч мер мирры и мирровые деревья бесчисленными грудями на палубах... Тысячи мартышек кувыркаются и лазают по мачтам. Блистают на солнце и кричат павлины. И молчат рабы. Среди них - царь Амонасро. Я сам забил палицей насмерть сотни пленных, но никто не указал на своего царя. Но я распознаю его! И ты сможешь казнить! Ты доверил мне командовать войском и никогда не пожалеешь об этом. Я трудился во славу Богов. И я на всё готов ради процветания Египта!

ФАРАОН. Такого ещё никогда не делали для других фараонов. Имя героя останется, в содеянном им. И не исчезнет в Египте вовеки.

ПИСЕЦ. (пишет и бубнит) ...мартышки...в содеянном...Не исчезнет в Египте навеки...

АМНЕРИС. (подходит к Радамесу) Два года, как вы отчалили от родной земли и направились к чужеземной стране. Суда сверкали золотой серебряной и медной отделкой. Кормы горделиво задирались над водой. Сотни гребцов разом взмахнули веслами с высоких бортов. Взмыли и пришли в движение просторные паруса! О, как я печалилась,... что я не воин! Мне оставалось молиться... чтобы вы вернулись с победой. Но два года минули, и ты снова во дворце! Я горжусь тобой!

Фараон хлопает в ладоши. Служанки убегают. Амнерис и Верховный жрец помогают Фараону подняться. Опираясь на них, Фараон выходит на балкон.

Во дворе, по обеим сторонам, балкона выстраивается стража. Двор заполняется свободными гражданами Египта. Среди них - Ахмад. В стороне негры-рабы с верёвками на шее, с руками, скованными над головой колодками в виде пантер.

На ступени балкона стражники швыряют связанную Аиду. Аида не смотрит на балкон, она стоит с опущенной головой.

Радамес скромно держится позади царской семьи и Верховного жреца, и не видит Аиду.

Выкрики из толпы граждан Египта :

“Да здравствует великий Фараон!”

“ Великий Египет сильнее всех до пределов земли!”

“Всё, что озаряет солнце своими лучами, принадлежит Египту!”

“ Слава правителю Египта!”

Верховный жрец подымает руку. Толпа смолкает разом.

ФАРАОН. (выступает вперёд) Наше войско вернулось из Эфиопии с победой! (жестом приглашает Радамеса стать рядом) Вот мой великий слуга! Он всегда исполнял свой долг. И я им доволен! И желаю наградить за победу! Жалую ему двухэтажный дворец с внутренним двором и садом. А, кроме того, земли с рабами. Освобождаю его от всех налогов. Даю средства, чтоб он мог начать строить себе пышную гробницу! И позволяю расписать стены в ней его ратными подвигами.

По знаку Верховного жреца торжественный барабанный бой.

РАДАМЕС. (когда бой смолкает) Воистину не приходится обижаться мне на своего повелителя!

ФАРАОН. (жестом заставляет Радамеса умолкнуть) И я отдаю ему в жёны свою единственную дочь Амнерис!!!

Неистово бьют барабаны. Фараон соединяет руки Амнерис и Радамеса и обнимает их обоих. Радамес опускается на колени и целует ноги Фараона. Амнерис целует отцу руки. Барабаны смолкают.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. (выступает вперёд) Сегодня у нас большой праздник! И вот-вот придут корабли из Эфиопии! И мы станем чествовать и награждать героев! И приносить в жертву Богам пленных! И вот наш первый дар Богам! (толкает ногой Аиду) Эта мерзкая рабыня вчера утром пыталась бежать прямо на глазах своей госпожи! Расступитесь, дабы рабы, что стоят позади, могли видеть!

Свободные граждане расступаются.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Она сию минуту будет предана смерти в назидание всем рабам!

Стражник подаёт Верховному жрецу тяжёлую палицу. Фараон с равнодушной доброжелательной улыбкой кивает Верховному Жрецу на Радамеса. Верховный жрец протягивает палицу Радамесу. Радамес смеётся и принимает. Стражники отрывают Аиду от ступенек и ставят перед Радамесом. Радамес заносит над ней палицу, примеряется и замирает - он узнаёт Аиду. Аида узнаёт Радамеса.

РАДАМЕС. (с занесенной палицей, обращается к Фараону) Будь милосерден! Эта рабыня молода, и отказалась от побега добровольно. Дай ей дыхание жизни, пусть

вдохнёт от твоего могущества! (к Амнерис) Помилуй её ради моей любви к тебе! (к Верховному жрецу) Будь милостив и ты!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. В тот час, когда выполняю свои обязанности, я не милостив!

АМНЕРИС. Рабыня пыталась убежать!.. Но... вернулась сама... (Фараону) Отец, я просительница пред тобой за рабыню.

ФАРАОН. (неуверенно) Сердце моё, кажется мне, желает открыться для снисхождения в этот час.

Радамес возвращает палицу стражнику. Звучит барабанный бой.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. (подымает руку, и всё смолкает) Рабыне даровали жизнь. Но вовсе без наказания оставлять её не следует.

Фараон рассеянно кивает на это.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. (бьёт Аиду гибкой палкой) Гнусная обезьяна! Я раскрошу тебя на куски перед глазами Фараона. Да будет он жив, невредим и здоров! Буду бить твою плоть пока не онемеют мои руки! А ты благодари царевну, твою добрую хозяйку!

Барабаны. Верховный жрец в экстазе избивает Аиду. Аида падает под его ударами, с трудом подымается, а он всё бьёт и бьёт. Фараон стоит, устало прикрыв рукой глаза, поддерживаемый Амнерис и Радамесом. Радамес заморожено смотрит, как избивают Аиду. Амнерис внимательно наблюдает за Радамесом. Фараон подымает руку. Верховный жрец замирает.

ФАРАОН. Довольно! Отпустить рабыню!

Стражники снимают с Аиды наручники, и её принимает толпа.

ФАРАОН. Пусть говорит Радамес.

РАДАМЕС. (Выступает вперёд) Сегодня мой самый счастливый день! Это великая радость - возносить Богам хвалу до самых небес! Я, созданный царём нашим, всегда буду служить ему, и славить его! И нет для меня блага выше, чем благо Египта! И нет выше милости, чем стать мужем царевны!

И согласный рёв толпы: “ Да здравствует Радамес! Слава Радамесу!”

Картина 3

Часть низкой каменной ограды, опоясывающей город.

Нил.

От Нила ведёт на ограду лестница. У подножия лестницы покачивается на воде ладья. Лестница ведёт к воротам между двумя сторожевыми башнями. За оградой ещё стена. Вдали, едва различимы в сумерках, крыши дворцов и храмов. Ахмад и Радамес стоят в пространстве между оградой и стеной.

РАДАМЕС. Все, кого расспрашивали, направляли нас сюда.

АХМАД. Умертвил бы её, и не было бы хлопот. С чего разжалобился?! А, догадываюсь... (смеётся) Тому, кто падок на женщин, лучше не братья править людьми!

РАДАМЕС. Твой намёк в цель не попал!

АХМАД. Хорошо, хорошо, но всё равно прав я!

РАДАМЕС. (смеётся) А ну-ка, держись, приятель, держись! (быстро разворачивается спиной к спине Ахмада и, вытянув руки назад, пытается его свалить)

Ахмад азартно включается в борьбу, но перевеса никому достигнуть не удаётся.

АХМАД. Силён, друг!

РАДАМЕС. (поворачивается к нему) Я сети расставляю девчонке, а попадёт в них сам Амонасро!

АХМАД. А я бы просто умертвил всех пленных, если известно, что Амонасро среди них!

РАДАМЕС. Умертвить две тысячи пленных! Это расточительно! И никаких гарантий, что Амонасро не ускользнет! Да и казнить Амонасро следует публично! Дабы все узрели мощь Фараона отныне и навсегда. Во всех землях и на всех горах страны негров. А пока пусть Амонасро чувствует себя в безопасности. Пусть будет уверен, что никто его не предаст. Где нельзя перескочить, надо подползти. Я покончу с Амонасро! (взбирается на плечи Ахмада, а с плеч на ограду) Я доведу это дело до конца сам. Я знаю как! (стоит на стене) Египет стал державой в результате многих войн. И я горжусь, что покорил Эфиопию и приумножил достоинство Египта. Вот она передо мной - Земля приближающегося величия моего!

АХМАД. (снизу) Неужели ты станешь фараоном?

Радамес смотрит на него сверху и смеётся.

АХМАД. Неужели это так просто - стать фараоном?! Да пребудешь ты, жив, здоров и невредим!

РАДАМЕС. Ожидай меня здесь! Я осмотрю стену. (двигается по стене, озираясь; что-то заметил и замер; крадётся, поглядывая вниз)

Аида, притаившаяся за сторожевой башней, пытается проскользнуть к лестнице.

РАДАМЕС. Аида! Я всюду ищу тебя!

АИДА. (не глядя на него, спускается ещё торопливее и напряженнее) Сожалеешь, что не убил? Зачем щадить рабынь? Ты их множество привёз на своих кораблях в свой любимый Египет!

РАДАМЕС. А нужна мне одна ты! (пробирается к ней)

АИДА. (вынуждена остановиться) Не приближайся! Я прыгну в Нил!

РАДАМЕС. Прыгай!.. А я знаю - почему не прыгаешь! Из-за любопытства! Ты хочешь знать, что скажу.

АИДА. Ты - враг! И я тебе не доверяю!

РАДАМЕС. Я спас тебе жизнь!

АИДА. Ты не хозяин даже над своей жизнью! И возомнил, что распоряжаешься моей?!

РАДАМЕС. Но это по моей просьбе Фараон впервые помиловал виновного!

АИДА. Святая Троица вступилась за меня! И да поможет она мне во веки веков! Аминь!

РАДАМЕС. Слышал - вы поклоняетесь какому-то жалкому полубогу, который позволил людям себя распяты. Зачем? Поклоняйся нашим Египетским Богам! Их власть над миром беспредельна и вечна!

АИДА. Власть Богов измеряется верой в них. И множество народу пойдёт за Христом! А ваши Египетские Боги забудутся!

РАДАМЕС. (смеётся) И отчего же это так сделается?

АИДА. Оттого, что Христос любит каждого и за каждого пошёл на муки.

РАДАМЕС. Стало быть, он слюняк, а не великий и всеильный Бог! И никто его не убоится!

АИДА. Он - Бог любящий! А любовь сильнее страха, сильнее гордости и величия! А теперь разойдёмся в разные стороны!

РАДАМЕС. А я-то ветру вверял послания к тебе! А я-то умолял зарю сегодня - пусть подскажет тебе прийти сюда!

АИДА. Зачем говоришь это мне? Своей невесте говори!

РАДАМЕС. Когда горячей трелью разбудил меня на заре соловей, я вспомнил тебя!

АИДА. Я не слушаю! Прощай!

РАДАМЕС. Ты не рада меня видеть?

АИДА. Какое мне до тебя дело?

РАДАМЕС. Неужели ты ненавидишь меня?

АИДА. Ненавидеть тебя - мой долг.

РАДАМЕС. Удалось ли тебе повидать отца?

АИДА. Какого отца?

РАДАМЕС. Амонасро!

АИДА. Я обманула тебя. Я сирота.

РАДАМЕС. Я мог бы помочь тебе с ним встретиться!

АИДА. Я не попадусь на твои уловки!

РАДАМЕС. Можешь не верить мне! Давай просто поболтаем о том, о сём!

АИДА. О чём можно говорить с тобой ?

РАДАМЕС. Да о чём хочешь! Расскажи о себе, о своём доме.

АИДА. До того, как меня увезли в этот мертвый Египет, я счастливо жила в маленькой хижине в тени кокосовых пальм. Бегала босиком по песку, и скрипели под ногами алмазы. Могла заглянуть в любую хижину. И всюду спешили угостить пивом и хлебом. Была у меня и подружка. Ростом с меня, а тяжела, как много-много, таких, как я! Золотистая, смиренная и покладистая. Но однажды, защищая меня, вступила в бой с леопардом! И победила его своими острыми рогами! Я бегала за ней и прыгала через неё! Ловила за хвост! Иногда она сбивала меня с ног, осторожно прижимала копытом к земле и вылизывала. Было так щекотно! Я хохотала! (Хохочет) Боялась от хохота умереть! А потом заползала под неё, хватала ртом сосок и пила... пила её вкусное молоко! А она фыркала от блаженства. (плачет) Хижину сожгли... меня увезли... А она приходит туда, верная, бедная антилопа, моя подружка... И ждёт меня, и ищет, и ничего не понимает! А вдруг она думает, что я предала её?! (плачет очень горько)

РАДАМЕС. (мгновенно оказывается рядом) Ты потеряла всё, а плачешь из-за антилопы!

АИДА. Разве ты никого никогда не любил?

РАДАМЕС. А как это - любить?

АИДА. Когда мать прижимала тебя к груди, разве не чувствовал, как вспыхивает в её сердце кровь? Когда она глядела на тебя, разве не замечал, что любовь обжигает ей глаза?

РАДАМЕС. У меня не было матери. Я приплыл младенцем в корзине по Нилу. И до пяти лет рос во дворце Фараона.

АИДА. Значит, ты никогда не знал счастья?

РАДАМЕС. Потом меня отдали в казарму, где из мальчиков делают воинов.

АИДА. И тебя никто никогда не любил?! И ты не любил никого?

РАДАМЕС. А кого любишь ты, кроме своей антилопы?

АИДА. Своего отца!

РАДАМЕС. Мне Фараон, как отец. Может быть, его я люблю?...

АИДА. А ещё я люблю отца-помощника, сына-утешителя и духа-направителя.

РАДАМЕС. А это кто ещё? Ты замужем? У тебя дети?

АИДА. (смеётся) Я говорю о Богах.

РАДАМЕС. Боги - это Боги. Их не любят. В них веруют... А вот, если бы ты любила, допустим, меня?.. Что почувствовала бы, внезапно меня увидев?

АИДА. Я? Тебя? Не знаю.

РАДАМЕС. Любовь - это пустая болтовня.

АИДА. Подожди... (закрывает лицо руками) Если бы я любила тебя... любила тебя... тебя... Твоя одежда даже издали ласкала бы мне глаза своей цветной окраской... (трогает его платье, рассматривает) В её узоры словно вплетены солнечные нити... и слепят глаза! (смеётся) И даже пыльный вихрь пустыни не мог бы её испортить!.. Шаги твои были бы для меня как дуновение ветерка! Твоё приближение разрывало бы мне грудь и обнажало сердце. А твоё прикосновение несло покой и прохладу. А, когда тебя не было бы рядом, я не смогла бы дышать, одержимая надеждой и страхом.

РАДАМЕС. И ты сказала бы мне всё это, или утаила, если бы внезапно увидела меня... допустим, после долгой разлуки?

АИДА. Я сказала бы тебе... Зачем ты расставил силки? Я попала в них и бьюсь! Я ненавижу клетку! Я не могу без неба и свободы! А ты, чужой мне, даже не проверяешь, кто попал в твои силки! И я стремлюсь их разорвать! И вот я свободна! Но отчего не лечу прочь?! Силки разорваны и мои крылья крепки! Что же со мной?! Я хочу клевать с твоей руки! Была птица небесная, а стала птица ручная! И ни на что не променяю эту горькую воду тоски, которой поишь ты меня!

РАДАМЕС. (берёт её руку) Какая широкая у тебя ладошка! Какие крепкие короткие пальчики! Какая чёрная снаружи и светлая внутри.

АИДА. (рассматривает его руку) А у тебя кисть узкая и длинная! Цвета слоновой кости! Какие разные мы с тобой! (бросает его руку и отдергивает свою) И мы - враги!!!

РАДАМЕС. (хватает её руку и подносит к своему лицу) Чувствуешь, как твои речи обожгли моё лицо? Две слезы дрожат на твоих ресницах как драгоценные камушки! Я не враг тебе!

АИДА. Верность отцу и родичам, преданность Эфиопии, месть врагам - это всё, чем я жила... И всё это словно сгребает и вот-вот унесёт неведомый ураган! Что за ураган налетел и вот-вот унесёт всё?!

РАДАМЕС. Как странно... Я хочу, чтобы... солнечный свет, просто солнечный свет, и зерно, и урожай... И чтоб всегда рядом ты! А ведь жил и не знал тебя! Я не знал тебя - как это странно! Жизнь до тебя и жизнь с тобой, словно тень и солнечный свет... О Боги, не отнимайте у меня эту маленькую Аиду!

АИДА. (вместе с ним) О Боже! Ты же сам учишь нас любви!

Радамес целует Аиду. Трель соловья.

АИДА. Это не соловей! Это снова обманщик, что был вчера возле тебя.

РАДАМЕС. Это друг предупреждает меня о какой-то опасности. Мы ещё увидимся?

АИДА. Мы уже расстаёмся?

РАДАМЕС. Завтра, здесь, в эту же пору.

АИДА. Завтра? Что такое - "завтра"? Разве бывает - "завтра"? Что значит - "здесь"? И что означает - "в эту пору"? Что следует из всех этих слов? И причём тут я и ты? Мы уйдём, а эти стены и башни останутся тут? Мы будем врозь, а солнце закатится и снова взойдёт? Ты уверен во всём этом? Все слова словно дырявые, и из них сыпется смысл... И только одно я понимаю ясно - что... люблю! Но я ещё не знаю, как это бывает - завтра, здесь, в эту же пору... когда любишь... Бежим сейчас же отсюда!

РАДАМЕС. Мне уже не укротить свой порыв к тебе! Завтра, сюда, об эту пору я приду один. И эта стена на границе города станет нашим ложем!

Трель соловья.

АИДА. Снова этот фальшивый соловей! Но ты говоришь, друг предупреждает тебя об опасности?! Что же ты медлишь?! Беги!!!

РАДАМЕС. Ты меня гонишь?

АИДА. Да! Потому что боюсь потерять!

Трель соловья.

АИДА. Беги, беги!!! До завтра!!!

РАДАМЕС. До завтра! До завтра! Здесь! Об эту пору!

Радамес перемахивает через ограду и прыгает в пространство между стенами. Ахмад поджидает его.

АХМАД. Бежим! Интуиция воина подсказывает, что тут опасно. (прижимает Радамеса к стене) погоди! Давай оглядимся!

Оба замирают.

РАДАМЕС. Где мы стоим с тобой?

АХМАД. У пограничной стены Египта.

РАДАМЕС. Нет... (тихо смеётся) Мы стоим на земле... И Египет всего лишь часть земли. Я - на земле... А вдруг всё величие Египта не важнее моего я?

АХМАД. Осторожнее! Прогневаешь Богов!

РАДАМЕС. Сердце моё - вот мой Бог! Ты когда-нибудь жил в согласии со своими желаниями? Ты жил ради счастья? Ради любви? Я словно только что родился! И всё вижу впервые! Вот - лунный свет! Какое наслаждение! Вот - камни стены... Я запомню их на всю жизнь! И пахнет водорослями... И я на земле!

АХМАД. (смеётся) Какое красноречие внушила тебе рабыня! Вроде всё спокойно... Бежим!

Оба убегают.

Притаившаяся Аида озирается и тихонько вступает на лестницу. В ладье во весь рост подымается Амонасро с луком в руках наизготовку. Это низкорослый коренастый старый негр, покрытый сплошь татуировкой.

АМОНАСРО. Аида!

Аида вздрагивает, всматривается, птицей проносится по лестнице и прыгает в ладью.

АИДА. Отец! (обнимает его) Отец! Сколько слёз я пролила, не зная, жив ты или нет!

АМОНАСРО. Господин мой, Иисусе Христе спас меня от рук их, как спас Давида, раба своего, от копья! Ты сейчас говорила с сыном сатаны, с врагом правды! Я трижды целился из лука, но каждый раз ты мешала мне его убить. Ты обнимала того, кто ворвался в Эфиопию грабить и умерщвлять твой народ. Того, кто разоряет христианские церкви и монастыри!

АИДА. Милая Родина! Я предала её! Отец, по которому плакала дни и ночи, в гневе на меня. И только возлюбленный есть у меня теперь в земле страдания моего. Такова неизбежность, отец! Он - судьба моя.

АМОНАСРО. Птица не может сразу клевать плоды с двух деревьев... А я-то искал тебя, чтобы сообщить благую весть! Уцелевшие и избежавшие плена, восстали! Осёл - фараон узнает об этом завтра. Мы победим их силой Иисуса Христа, всех умертвим и завоюем Египет. И тогда уже из Египта в Эфиопию поплывут хлопок и льняные ткани, пшеница, рис, сахар...

АИДА. Эфиопия двинется на Египет?

АМОНАСРО. Если возле дома заведётся леопард и станет таскать баранов, можно ли защититься от него, забив лазейки и возвысив забор? Разве не проделает он новые лазейки на следующую же ночь? Хочешь от него избавиться - прежди в логово и убей его там!

АИДА. (бросается на колени) Отец, пощади Радамеса, как он пощадил твою дочь! Если бы не он, ты никогда не увидел бы меня живой!

АМОНАСРО. Лучше увидеть тебя мёртвой, чем предательницей! Кто ищет усад, когда родная земля отравлена и воздух выпит, тот враг своей Родине и Христу! Пусть же смерть задует то пламя, что горит в тебе зря! (берёт её руками за горло)

АИДА. (горестно) Завтра... здесь... об эту пору... Как много значат слова... или не значат ничего...

АМОНАСРО. Завтра, сюда, об эту пору явится к тебе Радамес?

АИДА. Отпусти, отец! Разве не любишь ты меня также, как я тебя? И разве за то, что стремлюсь к счастью, ты, отец, должен казнить меня? Мы убежим с Радамесом, и никакого урона Эфиопии из-за нас не будет. Отпусти меня, отец! Я хочу жить. Я люблю!

АМОНАСРО. Что ж, ты мне дочь... я уступлю... Так завтра, здесь, об эту пору... Что ж, отпускаю тебя!

АИДА. (Обнимает Амонасро) Отец, спасибо! Ты стал опорой сердцу моему! Прощай! (Выбирается из ладьи, подымается по лестнице, оглядывается и машет Амонасро рукой) Прощай, отец!

Картина 4

Сад, при дворце фараона. Деревянный навес, увитый виноградником. Под ним - каменная скамья. С краю - длинный стол. Под столом - сосуды, накрытые пальмовыми листьями. На столе - чаши для питья, вазы с фруктами. Вдали видна часть пруда с лилиями и плавающими утками. На скамье сидят Радамес и Амнерис. Они держатся неестественно прямо и глядят перед собой. Амнерис в высоком парике из косичек. Рука Радамеса на руке Амнерис. В свободных руках они держат по цветку лотоса. За их спинами Фараон в парадной одежде. Одна его рука возлежит на голове Амнерис, другая - на голове Радамеса. Напротив их - Художник. Он зарисовывает всю композицию на папирус. В стороне - Писец со своей неизменной кисточкой. Слева и справа от скамьи Аида и другая рабыня. Они мерно обмахивают царское семейство опахалами из страусовых перьев. Ещё две рабыни возле стола с напитками.

ПИСЕЦ. (пишет и проговаривает вслух) ...день, в который Фараон начал готовить свои надгробные изображения...

ФАРАОН. (Писцу) Все истории останутся такими, как ты их запишешь. И поймут их так, как они записаны. И твои записи подвергнут сомнению или подтвердят величие Египта. Ты должен уметь извлекать из повседневности крупинцы вечности. И сохранять в записи единство мысли... Увы, египетские писцы не всегда и сами понимают, что пишут.

АМНЕРИС. Египет - более царство мёртвых, чем живых. Дикари боятся смерти. Египтяне осознают величие смерти. Смерть прекрасна, как солнце, она отбрасывает на проходящее, отблески и тени вечности. Гробницы будут стоять вечно. И мы останемся в веках. Амнерис и Радамес, благословляемые отцом своим. Амнерис и Радамес в кругу детей своих. Фараон с внуками. Амнерис и Радамес, оплакивающие кончину дорогого отца. Дети Амнерис и Радамеса, оплакивающие кончину родителей. И когда мы умрём, то обретем покой, благополучие. И никогда имена наши не будут преданы забвению. В Египте всё предопределено, нерушимо и вечно.

ФАРАОН. Ты кое - что упустила, моё дитя.

АМНЕРИС. (не без лукавства) Мне не дано знать всё, что ведомо тебе. И не подобает мне высказывать догадки, прежде чем ты произнесёшь истину.

ФАРАОН. Я предчувствую, что скоро отправлюсь к Богам.

АМНЕРИС. Пусть дадут тебе Боги счастливую вечность!

ФАРАОН. Но, прежде, я должен решить вопрос о престолонаследии. Когда нет прямых наследников-мужчин, на трон восходит тот, кто фактически правит. Нам должно действовать сообща.

АМНЕРИС. Верховный жрец стремится делить с тобой власть.

ФАРАОН. Только до сих пор, пока ты с приданным не вступишь в дом Радамеса. Радамес же, больше не покинет Египет. Он будет здесь на глазах у народа, всегда с тобой вместе и всегда подле меня. И мы сообща подберём другого военачальника на смену Радамесу. Хотя это и непросто.

РАДАМЕС. Я знаю воина, проверенного в битвах. Это мой друг Ахмад. Он сражался как лев и произвёл такую резню, какой никто не видел.

Аида роняет опахало. Все смотрят на неё.

АМНЕРИС. (Художнику) Что рисуешь ты сейчас?

ХУДОЖНИК. Сына Солнца. Да будет он жив, здоров и невредим.

АМНЕРИС. (встаёт) Тогда передохну. Я утомилась. Аида, сядь на моё место! Замени меня на время. (отходит к столу)

Аида смотрит на неё нерешительно. Она не уверена - правильно ли поняла распоряжение Амнерис.

АМНЕРИС. До чего глупы эфиопянки! Сядь на моё место - сказала я тебе. Сядь же возле господина!

Аида робко присаживается возле Радамеса. Фараон сразу кладёт руку ей на голову. Радамес с невозмутимым видом берёт за руку. Амнерис кидает ей лотос. Одна из рабынь отходит от стола, подымает опахало и заменяет Аиду. Другая рабыня наливает и подаёт Амнерис напитки. Амнерис пьёт.

АМНЕРИС. Тебе, Радамес, трудно будет отвыкнуть от войны, от смерти, от походов.

ФАРАОН. Эфиопия - вонючая дыра. Болота, по которым непрерывно барабанит дождь. И через море долетает дыхание земель, где вечный холод. И вожди там коварны и неутомимы и, как все дикари, сопротивляются яростно и бессмысленно.

РАДАМЕС. (невинно) А молодые девушки дружат и играют с антилопами и пьют молоко прямо из вымени.

Аида хихикнула.

АМНЕРИС. (с недоумением, Радамесу) Рабыня смеётся над твоими речами?

ФАРАОН. Это не та ли рабыня, что мы изволили помиловать?

АМНЕРИС. Странная рабыня.

ФАРАОН. Должно быть, она всё ещё радуется, что её не умертвили.

Аида запрокидывает голову и порывисто целует руку Фараону.

АИДА. Я счастлива!

Все в оцепенении. Пауза.

ФАРАОН. Она совсем дитя. Второй раз в жизни уступил мимолетному капризу сердца. В первый раз, когда принял тебя во дворец, Радамес. И сейчас, когда помиловал эту смешную рабыню. Буду ли за это наказан Богами? Странные предчувствия... (Аиде) Что ж, дитя, счастье приходит к тому, кто набожен и предан Сыну Солнца.

АМНЕРИС. Это - странная рабыня. Не уверена, довольна я, или нет. Рабыня должна быть заметна не более, чем вещь...

Вбегает Ахмад.

АХМАД. (целует землю перед Фараоном) Да будешь ты жив, здоров и невредим! (целует землю перед Амнерис) Сияй дитя Сына Солнца в имени своём! (Радамесу) А нам снова на корабли и в строй! (Фараону) Взбунтовался и бежит в Эфиопию целый гарнизон пленников! А там, в Эфиопии, недобитые враги наводнили все дороги! Врагов тысячи! Они блуждают повсюду! Нельзя допустить, чтобы пленные соединились с ними! Необходимо догнать пленных и уничтожить! (Радамесу) Я был прав, когда предлагал тебе умертвить всех пленных! Видишь теперь, как неуместно на войне милосердие? Я не вкушу пищи, не глотну воды и не лягу без оружия, пока не уничтожу врагов Египта!

РАДАМЕС. (встаёт) Мой друг Ахмад горяч, но тверд сердцем. Всегда идёт вперёд и не отступает.

ПИСЕЦ. ...эфиопы взбунтовались... Ахмад тверд сердцем...

Фараон делает жест - рабыни и Художник покидают сад. Фараон кивает Амнерис. Она встаёт.

АХМАД. Я провожу госпожу. В Египте нынче ненадежно.

Ахмад идёт вслед за Амнерис. И, когда они отходят достаточно далеко, заговаривает.

АХМАД. Мною раскрыт заговор. Свидетельствую перед тобой против Радамеса. Обвиняю его, что рабыня повелевает им, подстрекает нанести вред Фараону. Всевозможные злодеяния замышляет его сердце. У него злобные планы свергнуть Фараона посредством бунта эфиопов, самому занять трон и жениться на рабыне.

АМНЕРИС. Это слова.

АХМАД. Можешь убедиться в подлинности моих слов нынче же ночью. Готов указать укромное место, откуда сама всё услышишь собственными ушами и увидишь своими глазами.

АМНЕРИС. О какой рабыне говоришь ?

АХМАД. О той, что сидела сейчас возле Радамеса.

АМНЕРИС. Не верю! Она безобразна! Эти широкие бёдра, низкий рост, тёмная кожа и мрак волос...

АХМАД. Эта рабыня сделала его слабым и заставила забыть о долге. И он замыслил погубить Сына Солнца, чтобы поскорее самому взойти на престол. Но Боги не дали ему преуспеть! И выбрали меня, чтобы разрушить заговор.

АМНЕРИС. Ты ещё кому-то сказал об этом?

АХМАД. Тебе одной.

АМНЕРИС. Поберегись, смельчак! Не помилую, если это оговор.

РАДАМЕС. (издали) Ахмад! Друг! Мы ждём тебя для совещания.

Амнерис хлопает в ладоши. Появляются четверо стражников.

АМНЕРИС. (Ахмаду) Жди ночью у выхода из сада. (удаляется в окружении стражников)

Ахмад возвращается к Фараону и Радамесу Радамес обнимает Ахмада.

РАДАМЕС. Вот - достойная мне замена!

Картина 5

Место действия то же, что и в третьей картине. Низкая луна, пронзительный блеск звёзд. Чуть слышен плеск и изредка вскрики неведомых птиц, Тревожно. Аида и Радамес сидят на верхней ступеньке.

АИДА. Я - это ты... (смеётся) У нас две головы, два сердца, четыре руки... (хохочет) Не находишь нелепым? Четыре ноги! Лучше бы одна голова на двоих, одно сердце... чтобы невозможно разъединить! А так... только душа у нас одна на двоих! А, если душу разорвут? Не знаю, как и вообразить себе... Как представить? На что похоже? На то, что рухнет небо, или вздыбится земля? Подымутся пески или иссохнет Нил? Нет, разорванная душа страшнее всего этого вместе. А вдруг Амнерис тебя любит и чувствует всё, то же, что и я? Что сделает она? Предугадать этого мы не в силах! Власть ослепляет и вводит в соблазн подчинить себе чужую душу. Бежим, Радамес, бежим!

РАДАМЕС. (смеётся) Не бойся, Амнерис - хорошая! Она меня любит иначе. Ей было семь лет, когда корзину со мной прибило к берегу. Она уже ходила в царских одеждах и держалась холодно и важно... Но, когда никто не мог видеть, подхватывала меня и кружила так сильно, что иногда мы вместе падали... и учила жонглировать золотыми шариками... А Фараон был молод, здоров и строг... И только из-за Амнерис я почувствовал себя дома в Египте и полюбил свой дом. В пять лет меня отдали в казарму. Было одиноко и вовсе не нравилось воинское дело. Грубости и боли я боялся. Другие мальчики не покидали казарму, а меня иногда брали во дворец. Амнерис просила Фараона об этом. И я придумал, - вырасту, женюсь на Амнерис и стану Фараоном. Мальчики в казарме поверили, прекратили обижать и начали подчиняться. И стало легче. Однажды я вдруг подумал, - а почему нет? Лучше править из дворца, чем ступать по каменистым дорогам и преодолевать горные перевалы, проваливаться в пески и спать на гнилой земле возле болот. Воины грубы, злы, жестоки и жадны. Амнерис умна, образованна, и с ней не бывает скучно. И править Египтом вместе с Амнерис из дворца гораздо приятнее, чем изнывать от жары в окружении тупых воинов.

АИДА. Египет, дворец, Амнерис... И от всего так легко отказываешься? Ради меня? Которую, увидел лишь три дня назад?

РАДАМЕС. И только через тебя понял, что люблю Фараона как отца, а Амнерис, как сестру. Но пуст Египет без тебя и уныл дворец. И не могут Фараон и Амнерис заменить тебя.

АИДА. Бежим сейчас отсюда, бежим!

РАДАМЕС. Не бойся! Ещё немного терпения, и будем вместе навсегда. Я только хочу написать Фараону, что люблю его как отца и просить прощения. И у Амнерис попрошу прощения. Это будет наше с тобой последнее расставание, совсем короткое. Не бойся!

АИДА. О, страшный риск коротких расставаний! Мы с тобой не властны над пространством и временем, не властны над чужими устремлениями. Эфиопия хочет напасть на Египет. Нас с тобой окружит бешеная буря и разбросает злая вечность. Бежим сейчас!

РАДАМЕС. Не бойся! Вчера мы держали совет. Фараон мудр, а я знаю Эфиопию. И вот что мы решили. Отец твой расставил гарнизоны у кружных дорог,... а мы не станем восходить через горы, а пройдем коротким путём через землю негров...

АИДА. Ты снова поведёшь войска?

РАДАМЕС. Не тревожься. Есть замена. Ахмад - мой верный друг. А мы с тобой убежим! Но прежде надо дать указания Ахмаду. Это - мой долг.

АИДА. Бежим сейчас же! Опасно медлить! Взгляни - какая грозная луна! И как предостерегающе суровы голоса неведомых птиц! Мне очень страшно, Радамес! Я-то знаю, как это терять то, что любишь. Бежим сейчас, бежим!

РАДАМЕС. И я скоро узнаю - как терять, что любишь. Я потеряю всё: Фараона, что мне словно отец, Амнерис, которую люблю как сестру, Египет, свою родину, друга Ахмада... Потерпи до завтра! Позволь мне попытаться хоть как-то оправдать своё бесчестие.

АМНЕРИС. (выступает из башни) Нет оправданий тебе, Радамес!

РАДАМЕС. Амнерис?! Прошу, дай сказать вначале мне! Выслушай, как выслушивала в детстве. Мне больно, что так получилось...

АМНЕРИС. Какое зло сделала я против тебя, что ты поставил меня в положение, в котором сейчас нахожусь? Если собрался спать на царском ложе, не следует дремать на помойке! Мне не нужны твои признания, вынужденные под давлением прямых улик! Пусть этот позор останется ещё одной из тайн нашего рода. Я, царская дочь, выше ревности к жалкой уродливой рабыне. Но никто и никогда не должен получить повод посмеяться надо мной! Когда над Богами смеются, они перестают быть Богами. Спутавшись с этой эфиопянкой, с этой девкой, ты унижил Державу!

АИДА. Я - дочь вождя. И ничем не ниже тебя! Зачем вы ворвались в Эфиопию? Зачем силой привезли нас сюда? И не переменится ли участь завтра? И не ворвёмся ли к вам мы?! И не станешь ли рабыней у ног моих? И, не будешь ли ждать, что пну тебя и назову девкой? Царская дочь... рабыня... пустые слова... Я люблю Радамеса и любима им! А ты не любишь и не любима. Вот, что главное для нас троих на этой земле!

АМНЕРИС. Радамес, убей её сейчас! Я не вспомню больше о ней, и никто ничего не узнает.

РАДАМЕС. Амнерис, сестра, я отведу тебя во дворец, и мы будем долго говорить!

АМНЕРИС. Радамес! И мышшь может погубить слона! Я чую опасность в эфиопянке! Промедление угрожает Державе. Убей её сейчас же!

РАДАМЕС. Ничего не случится с Державой до утра! А я успею многое сказать тебе, Амнерис!

АМНЕРИС. Радамес, ты вступаешь в странный торг со мной! С одной стороны, - Египет, твоя будущая власть и моя царская гордость... С другой - всего лишь жизнь одной из рабынь... Не понимаю! Вооружись геройством, вспомни о чести и долге, не путай мелкую любовь с великим делом! Убей её немедленно!

РАДАМЕС. На одной чаше весов - Держава, моя власть и лучшая из женщин Египта, белая жемчужина Нила... И это не всё, Амнерис! Ещё - моя любовь к Фараону, которого в душе считаю отцом. И моя любовь к тебе, подруге детских дней... А на другой чаше - всего лишь душа. Но, как же чаша тяжела! И моя ли вина, что эта чаша перевесит всё? Душа моя - это Аида.

АМНЕРИС. Я убью её! И только посмей меня остановить! (выхватывает кинжал)

Летит лассо и обвивает Амнерис. Из тьмы возникают два огромных эфиопа и хватают Радамеса.

АМОНАСРО. (легко взбегает по лестнице) Спасибо, дочка! Ты сделала своё дело! И теперь свободна!

АМНЕРИС. Развевался роковой обман! Я ли не предупредила тебя, Радамес! Раб - всегда предатель!

АИДА. Отец, ты коварно предал меня! И неужели мои чувства ничто для тебя? И ты столь легко принёс их в жертву мести?! (встаёт на колени) Отец, во имя Отца и Сына и Святого Духа, освободи их! Пощади мою любовь!

АМОНАСРО. Когда идёт сражение, не ведут счёт добру и утратам! (эфиопам, указывая на Радамеса и Амнерис) Этих двоих убить немедленно! И будем вести торг с Фараоном за их тела!

В одно мгновение Ахмад взлетает по лестнице и пронзает кинжалом Амонасро. Тот падает вниз. И одновременно же оба эфиопа получают по удару кинжалами в спины от двух египтян. Эфиопы падают со стены вниз.

АИДА. Отец! (бросается вниз к телу отца) Отец!

АХМАД. (освобождает Амнерис) Я заподозрил ловушку. И потому здесь, с воинами! И вовремя! Теперь я понял, Радамес, почему ты не хотел уничтожить врагов, разом поразить их всех!

РАДАМЕС. Как смеешь обвинять меня в измене? (выхватывает кинжал)

АХМАД. Смею! Потому что ты слаб! А у меня есть устремлённость и энергия! И что выгодно Египту, то выгодно и мне! А что хорошо мне, хорошо Египту! Я - часть Египта! А ты себя ставишь над Державой!

РАДАМЕС. Держись! (бросается на Ахмада)

Ахмад свистит насмешливо соловьём и отскакивает в сторону. По лестнице подымается Верховный Жрец в сопровождении множества солдат с факелами. Факелы загораются один за другим и вскоре становится светло, как днём.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. (указывает на Радамеса) Пленить его!

После короткого боя на мечех солдаты хватают и связывают Радамеса.

АХМАД. Надежнее убить его сейчас же!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Нельзя, без ведома Фараона. А для тебя, Ахмад, буду просить у Фараона великих почестей. И царская дочь поддержит меня в просьбах моих, не так ли, Амнерис?

Амнерис молчит.

РАДАМЕС. О, Боги! Я справился с врагами, но отчего не уберегли вы меня от друзей?!

Гремит барабанный бой. На ладье - носилки с Фараоном.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. (Фараону издали громко) Да будешь ты жив, здоров и невредим! Для тебя - радость! Ахмад разоблачил Радамеса! Пусть же имя Ахмада будет у всех на устах! И пусть вечно торжествуют Боги, охраняющие нас! И всегда мы останемся послушны их воле!

ФАРАОН. Откуда ждали дождя, оттуда пришёл туман.

АМНЕРИС. (бросается к отцу) Отец! Как воздать за то горе, что я тебе причинила? Я стала для тебя причиной позора!

ФАРАОН. (встаёт с носилок и обнимает её, говорит с трудом, явно чувствует себя нездоровым) Не казни себя! Боги разрушили разум разумных и силу сильных! Созданный мною, восстал против меня. Как ничтожен сердцем ты, Радамес! Разве не сотворил я тебе добро? Не дал дыхание? Не одарил тебя? Не предложил в знак благосклонности в жёны свою дочь? Чего не исполнил я? Я жалею о том, что совершил для тебя! Нет у меня больше доверия к тебе.

АМНЕРИС. Отец! Пусть твои муки превратятся в мою боль! Пусть твои скорби переживу я!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Расплатой за содеянное, может быть только смерть.

АХМАД. Вот - справедливая кара тому, кто выболтал военные тайны Египта рабыне!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. А эфиопянка где?

АХМАД. Я догоню её! (срывается вниз по лестнице)

РАДАМЕС. (кричит, что есть сил) Беги, Аида, беги!!! Беги скорей, пока тьма укрывает тебя! Не догнать вам мою любимую! Моя любимая черна как ночь, и тьма дружит с ней, и укроет её, и защитит! Беги, Любовь моя, изо всех сил беги! И пусть не заканчивается ночь, пока не спасёшься!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Догнать её! Догнать!!!

РАДАМЕС. Не догоните мою любимую! У неё быстрые ноги, она умная и проворная. Она найдёт на дорогах эфиопов, и они спасут её. Она вернётся к себе на Родину. И никогда египтяне не завоюют больше Эфиопию! И моя любимая, моя чёрная жемчужина Нила, останется жить!!!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Кто упустил рабыню?! Проклятье!!! Прозевали её!

РАДАМЕС. Если ты ещё слышишь меня, Аида! Я люблю тебя!!!

АИДА. (у подножия лестницы) Слышу, Радамес!

Все замирают.

Куда бежать мне от тебя, любимый? (подымается по лестнице, глядя на одного Радамеса) Отдам жизнь, откажусь от вечного спасения и от Родины, чтобы ещё мгновенье видеть тебя! (подходит к Радамесу) Нет меня без тебя! А зачем Родина тому, кого нет? Зачем жизнь тому, кого нет? (обнимает его) Радамес, любовь моя!

АХМАД. (от подножия лестницы) Схватить рабыню!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Убить рабыню!

ФАРАОН. Нет! Судить этих двоих!

Солдаты хватают Аиду и отгаскивают от Радамеса.

РАДАМЕС. (кричит) Когда от слёз станут тяжелы твои ресницы, вспомни меня!

АИДА. Когда горячей трелью зальётся соловей на заре, вспомни меня!

РАДАМЕС. Отныне у меня есть только ты! И лишь тебя люблю!

АИДА. Моя звезда! Моя беда! Моя судьба! Моя надежда!

ФАРАОН. Опускаются сумерки на Египет. Я предчувствую горечь перемен. (хватается за сердце и со стоном начинает оседать)

АМНЕРИС. (пытается поддержать его) Отец! Отец!

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

АМНЕРИС

Картина 6

Амнерис и Аида стоят друг против друга в пустом пространстве.

АМНЕРИС. Рабы боятся смерти. Завтра, перед рассветом, тебя сбросят с крепостной стены в Нил на съедение крокодилам!

АИДА. Что с Радамесом?

АМНЕРИС. Время - забыть о Радамесе! Зачем гадать, что с ним, если сама почти мертва? Дважды подарила я тебе жизнь. Ты ещё не начала раскаиваться, что так неосмотрительно распорядилась ею?

АИДА. Очи мои словно два пересохших колодца. Я никогда ещё не простирала свои руки к сильным, в надежде на жалость. Теперь молю - ответь! Что с Радамесом?

АМНЕРИС. Должно быть, ты не поняла меня, глупая рабыня? Тебя живьём растерзают крокодилы!

АИДА. Поняла тебя, царевна! Но что мне сейчас моя жизнь, смерть отца, поражение Эфиопии, твоё торжество? До этого ли, если не знаю, что с Радамесом?

АМНЕРИС. Как посмела ты, рабыня, попытаться отнять у меня, царевны, жениха?

АИДА. Нет для любви царевен и рабынь. И все женщины равны перед любовью. Любовь охватила нас с Радамесом. Скажи, что с ним?

АМНЕРИС. Зачем я дважды пощадила тебя? Чтобы ты, жалкая рабыня, осмелилась противопоставить себя власти Фараона, всему Египту и Богам? Если б не ты, я сумела бы отвести от Радамеса все беды, катастрофы и несчастья. Смогла бы осенить его сердце радостью. В моей власти было сделать так, чтоб перед его прекрасным лицом всегда только пели и плясали. Я заставила бы людей почитать его. Я бы умолила Богов любить его!

АИДА. Амнерис, ты любишь Радамеса.

АМНЕРИС. Люблю? (Смеётся) Нет! Ноги мои никогда не поведут меня по следам унижений! Любовь - прибежище ничтожеств. Тех, у кого ничего нет, и никогда не будет. Любовь - утешение и игрушка, гордость и надежда рабов. Зачем любовь тем, у кого власть и величие, близость к Богам и уверенность в собственной избранности? Что есть у тебя, кроме твоей ничтожной жизни, которой ты даже не властна, распорядиться сама? А у меня есть всё! И, потеряв Радамеса, я утратила лишь малость, из того, что у меня есть.

АИДА. Зачем же ты здесь, безжалостная и гордая царевна? Возле рабыни? Ты любила Радамеса, но не пожелала одарить его своей любовью. Величие выше любви? Зачем же ревнуешь и страдаешь? И в чём преимущества величия перед любовью, если всё твоё величие пошатнулось из-за чувств рабыни? Кто свободнее, Амнерис? Разве ты не более, чем жертвенное животное? Хуже! Сама идёшь на заклатие! Терпишь нечеловеческие муки и говоришь себе - это во благо Египту, трону... Добровольно следуешь чужой воле, живёшь жизнью, придуманной другими! И гордишься этим! О, как походила я прежде на тебя! А теперь познала любовь. И устремилась к цели, которую выбрала сама. Потянулась к благу, которое дорого мне. И действовала по своему разумению. И к своему счастью рвалась. И что всё твоё величие против меня? Я живу. Я думаю. Я люблю. Может быть, я всего лишь маленькая песчинка, затерянная в вечности. А, может быть, я - центр мироздания. Какая мне разница? Я - не орудие ни в чьих руках. Я - не жертва ни на чьем алтаре. И ничьим прихотям не служит моя душа! И я вижу лицо Бога,

и возношу этого Бога над землёй, Бога, которого люди искали, с тех пор, как появились на свет. Бога, который даёт мне радость и гордость. Этот Бог - любовь!

АМНЕРИС. Руку, которую нельзя отрезать, следует поцеловать. И в третий раз я дарю тебе жизнь! Слушай, рабыня, обреченная на смерть, и внимай! Я отпущу тебя в твою Эфиопию! Амонасро нет, и царица теперь ты! Что выбираешь? Рабыней ли отдаться мучительной казни? Или царицей принять славу этого мира? Отвечай!

АИДА. Что с Радамесом?

АМНЕРИС. Лучше - "у меня есть осёл", чем - "у меня было много верблюдов". Ты - яд, ты - болезнь Радамеса, ты - его чёрная лихорадка. И, если покинешь Египет, Радамес выздоровеет. Станет фараоном и укрепит славу Египта!

АИДА. Заблуждаешься, Амнерис! Мы не властны над собственными чувствами. И напрасно мнишь, что в силах ты распорядиться чувствами других.

АМНЕРИС. И неужели любовь к чужеземцу для тебя весомее, чем любовь к родине? Подумай, как нужна ты Эфиопии!

АИДА. Я силой обращена в рабство. Я, связанная, томлюсь здесь, в Египетском подземелье. Но чувствую себя свободным человеком! Не худшее ли рабство, - сидеть на троне на своей родине и чувствовать себя Египетской рабыней и знать, что за это рабство я заплатила сама? Добровольно отдав самое дорогое, - то, что делало меня свободной?

АМНЕРИС. Подумай о Родине! Ты видела Египет и знаешь, что такое совершенство. И понимаешь, куда вести Эфиопию. Тебе предстоят великие дела!

АИДА. Какие же дела, Амнерис? Дыхание величия преследует меня, словно раскалённый воздух из пустыни.

АМНЕРИС. Эфиопия гибнет, распадается на мелкие государства! Начальники интригуют и враждуют. Гарнизоны ослабли. Солдаты голодны и не могут воевать, они сами вынуждены растить для себя маис. Ты, царевна, жила в хижине, а не во дворце! Ты видела, сколько в Египте дорог! И все гладкие и удобные! А в Эфиопии дорог почти нет, а те, что есть - суровые и упираются то в каналы, то в озёра. А сколько крепостей предстоит тебе построить на случай мятежей! Я буду отправлять из Египта в поддержку тебе хлопок и лён, пшеницу, рис и сахар, много рыбы. Только сытый народ готов прославлять своих царей! Верни Эфиопии былое могущество! Сделай так, чтобы каждый эфиоп гордился своей Родиной, верил в неё и чувствовал себя в безопасности!

АИДА. И что могу дать я своим соотечественникам, братьям и сёстрам, если цена царствования моего - предательство? Отчего мне так хорошо сейчас, Амнерис? Я чувствую - восходит солнце и освещает землю бирюзовыми лучами! Любовь - это всегда окончательный выбор, Амнерис!

АМНЕРИС. Падай ниц, рабыня! Конец, конец тебе! Вкуси смерть! Конец тебе! И ты никогда не восстанешь вновь! Тело твоё не будет набальзамировано и обратится в прах. И не воскреснешь из мёртвых, и не войдёшь в страну вечности!

АИДА. Радамес и я будем сильны в свой час. Ведь мы опираемся на любовь! А разве ты, Амнерис, не человек, подобный всем другим людям? Также живёшь на земле, так же нуждаешься в воде и пище. И, как все прочие люди, когда-нибудь умрёшь! Страшно будет умирать, не любившей и не любимой. И никогда не позволившей себе следовать собственным желанием.

АМНЕРИС. Египтяне бессмертны!

АИДА. И в тягость бессмертие, не познавшим любви.

АМНЕРИС. Откуда знать тебе про бессмертие, рабыня?

АИДА. Любовь - вот знание всего.

Картина 7

В пустом пространстве Радамес и Амнерис.

АМНЕРИС. Зачем свершил ты это, Радамес?

РАДАМЕС. (Радостно) Ты пришла, Амнерис, сестра моя! Твоё сердце не отвратилось от меня! Я радуюсь тебе!

АМНЕРИС. Радуетесь мне? Ты, замысливший зло против Фараона, любимого богами? Совершивший величайшее преступление, что внушило ужас всем Богам?

РАДАМЕС. Я не поступал предательски. Я не желал зла Фараону! И не изрекал проклятий Богам!

АМНЕРИС. Правдив твой голос, Радамес, но лживы речи!

РАДАМЕС. Ничего не совершил я с лживыми измышлениями в сердце! И если есть моя вина, то перед тобой одной. Нечаянная вина. И имеет оправдание. Ибо знал, что не стану причиной слёз твоих. Вся ты - одно величие. И даже не догадываешься, что такое любовь! Верю, будешь судить меня милостиво. И не восстанешь против меня. Потому что я не стремился ничего сделать против тебя и Фараона.

АМНЕРИС. И если б любила тебя, ты не поступил бы со мной так?

РАДАМЕС. Я ждал любви от тебя. И, когда вернулся из похода, искал в лице твоём хоть отблеска сияния того света, что преображает мир. И понял, что всегда будешь любить меня, как брата. И я люблю тебя, как сестру. Так и прожил бы подле тебя, всегда тебя благословляя. Ибо ты даровала бы мне величие. Ты проходишь, и каждый смотрит на тебя. Ты единственная, и люди восхваляют тебя, ибо ты владыка над ними. И меня освещала бы лучами своего величия.

АМНЕРИС. И прежде не был ты, столь красноречив, Радамес!

РАДАМЕС. Я собираю слова любви отовсюду. И они спешат ко мне быстрее света.

АМНЕРИС. За что отдал своё будущее величие? За рабыню?!

РАДАМЕС. Судьба свела с Аидой. И я услышал божественные слова. И на меня излила Аида свет свой. Я всмотрелся в неё и полюбил. И встал, и вышел, и возродился, и сотворил себя! Только бы не разлучаться с ней! Теперь, когда я раскрылся перед тобой, верю, сестра, что по твоей воле с Аидой не случится зла.

АМНЕРИС. Ты вот-вот стал бы обладать богатством Богов! Подобно высокородным, мог бы делать с собой всё, что тебе нравится! Простым жестом руки получал бы то, чего не в силах достичь человек! И на пороге высшего величия пренебрёг всем этим? Бросил вызов гражданам Египта, власти, Богам? Из-за рабыни? Не лишился ли ты рассудка, Радамес?

РАДАМЕС. Презираю власть, которая отбирает у меня всё. Угрожает моей жизни, заставляет действовать вопреки моему счастью! Вопреки моему разуму! И не свободные граждане населяют Египет, а тупая толпа! Здесь люди отдают свои усилия, ценности, надежды в общую кучу к подножию алтаря. А после, ждут подле него, когда, ссылаясь на волю Богов, власть соизволит бросить им хоть что-то. Но к тебе, сестра, я был привязан с ранних детских лет. И знаю как свою защитницу. Не обвиняй же меня теперь!

АМНЕРИС. И если б раньше увидел, что люблю тебя, отдал бы сердце мне?

РАДАМЕС. Никого нет ближе мне, чем ты, сестра моя! И Фараона люблю, как отца.

АМНЕРИС. А что сказал бы ты мне, если б не сестрой и царевной была я для тебя, а просто любимой?

РАДАМЕС. Говорил бы - имя твоё - "Одарённая, цветами"! Ты - моя белая жемчужина Нила! Моё сердце пребывает в мире, когда вижу тебя. И я верю - ты даруешь мне путь, по которому я пройду... Но никогда бы твоё сердце, Амнерис, не забилося сильнее, и уста не разомкнулись бы для ответа на такие речи. Ты удивилась и рассмеялась бы!

АМНЕРИС. “Одаренная, цветами”! Ещё не увяли те цветы, что привёз для меня на корабле. Но, одарившему меня цветами, уже грозит смерть... Что важнее для тебя - любовь или жизнь любимой твоей? Я устрою побег для Аиды. И пусть станет она царицей Эфиопии, и много-много дней будет у неё впереди, просто без тебя пройдут эти дни. А ты останешься здесь, править Египтом, рука об руку со мной.

РАДАМЕС. И никогда не согласится моя Аида расстаться со мной!

АМНЕРИС. Вашей любви всего мгновенье. И неужели ты не можешь повернуть назад?

РАДАМЕС. У любви не бывает времени, сестра. Мгновенье равно вечности, а вечность - мгновению. И нет пути назад. Я не предавал тебя, сестра, и не предавал Фараона, которого чту как отца своего. Я не предавал Египта и не шёл против Богов. Я оказался неверным женихом, но ведь я не разбивал твоего сердца, Амнерис! Я только полюбил маленькую чёрную Аиду. И она полюбила меня. И неужели за это должны мы умереть? Почему так блестят твои глаза, сестра?

АМНЕРИС. Солнце восходит над Нилом. И даже до этого подземелья достигают его лучи. И от их сияния блестят мои глаза.

РАДАМЕС. Утро! Я приветствую тебя, утро! Как ты сияешь нынче и наполняешь моё сердце надеждой! И будет восходить солнце каждый день, во веки веков! Не допусти, сестра, чтобы это утро стало последним для меня и Аиды! Проси Фараона за нас! Я верю в его милость!

АМНЕРИС. Это я, я, своими руками выловила из Нила корзину, в которой приплыл ты младенцем. Я взяла тебя на руки, и слова любви тогда легко исходили из уст моих. И ты перестал плакать и улыбался мне. И с тех пор всегда ты мне только улыбался. И неужели могу я отправить тебя на смерть? Я соберу все свои силы, чтоб защитить тебя и послужить твоей любви. Пусть возрадуется твоё сердце. Пусть ты последуешь туда, куда призывает тебя любовь!

РАДАМЕС. Ты простила меня, любимая сестра моя! И какой свет засиял в сердце моём! И я верю теперь, что любовь победит всё! Моли отца за меня и Аиду!

Картина 8

Фараон, с обнажённой, коротко стриженной головой, босой, в одной набедренной повязке, лежит на топчане. Лежит на спине, без подушки, - и от того кажется беззащитным и беспомощным. Возле изголовья - курильницы. И в тонких струях дыма его облик кажется нереальным. Фараон как бы уже на грани двух миров - жизни и смерти.

В стороне, возле высокого столика, Амнерис процеживает сквозь ситечко питьё: настолько горячее, что виден сильный пар над чашей.

Фараон, неудобно выворотив голову, присматривается к дочери.

ФАРАОН. Я зябну.

АМНЕРИС. (Подносит к нему чашу с питьём) Вот - горячее питьё для тебя, божественный отец!

ФАРАОН. (Пытается приподняться и принять чашу, но у него это не получается) Не удержат мне чашу с горячим питьём сегодня! Эти руки были такие могучие, что мой лук не мог натянуть никто! Помоги же мне, Амнерис!

АМНЕРИС. (Присаживается на пол возле топчана и поит Фараона из своих рук) Что произошло, мой божественный отец? Что случилось?

ФАРАОН. (Он отдыхает после каждого глотка) Болезнь охватила меня. Я стал, как палка, изъеденная червями.

АМНЕРИС. Все ночи я молюсь Богам. Прошу избавить тебя от недуга. Неужели Боги отвернулись от нас?

ФАРАОН. Я предчувствую горечь перемен.

АМНЕРИС. Ты предчувствуешь?.. (обрывает фразу) Предчувствуешь?.. (и снова не решается задать этот вопрос) Как тяжело ты занемог! И причина твоей болезни - я. Старость твоя омрачена из-за меня! Так воздала я тебе за всё, что ты для меня сделал!

ФАРАОН. Откуда такие мысли, Амнерис? Я уверен, Боги будут милостивы к нам! Всегда помни - красота твоя, величие и ум, нерушимы. А наши враги падут! Ведь судьбы наших врагов рано или поздно оказываются в нашей власти! Так радуйся, Амнерис! А ты грустишь. Я смотрю на тебя и огорчаюсь и не справляюсь с болезнью.

АМНЕРИС. Скажи, отец, ты предчувствуешь, что скоро присоединишься к Богам?

ФАРАОН. Отправлюсь к Богам? (Смеётся) В сущности, разве мне известно, где они? Найду ли я дорогу? Я бы предпочёл побыть с тобой, моё дитя!

АМНЕРИС. Я всю ночь молила Богов избавить тебя от недуга. Я не хочу разлучаться с тобой, отец! Не хочу!!

ФАРАОН. Амнерис, в голосе твоём слёзы. Должно быть, слишком едок и слащав дым от этих благовоний! Убери отсюда курильницы!

АМНЕРИС. Я никогда не испытывала такой боли, отец! И ничто не причиняло мне таких страданий. Не покидай, меня! Будь, со мною!

ФАРАОН. Дитя моё, что вошло в твоё сердце? Я счастлив. Мне тепло. Огонь подлинной любви согревает меня перед дальней неведомой дорогой. Наклонись же ко мне!

Амнерис наклоняется. Фараон проводит ладонью по её лицу.

ФАРАОН. Я хочу в своей ладони взять с собой в мир иной твои слёзы. И никогда ещё не держали мои ладони драгоценностей превыше слёз твоих.

АМНЕРИС. Папа, я так люблю тебя.

ФАРАОН. Впервые от рождения своего я не одинок. Смерть - ничтожная плата за то, как счастлив я в это мгновенье!

АМНЕРИС. Ты сказал: мгновенье любви для тебя значительнее смерти?

ФАРАОН. Да, дитя моё!.. Ты всё ещё плачешь?

АМНЕРИС. Да.

ФАРАОН. Спасибо! Каким дивным светом сияют твои слёзы! О, как крепко твоё объятие, но меня уже не удержать. Путь мой определён. Надеюсь, Боги примут меня как сына. И блаженно будет моё прибытие на небеса. Почему ты молчишь?

АМНЕРИС. Уста мои сомкнуты, но душа кричит от боли.

ФАРАОН. Что у тебя на душе, дитя? Я ещё успею тебе помочь!

АМНЕРИС. Молю тебя, божественный отец! Избавь от казни Радамеса и Аиду! Отпусти их из Египта!

ФАРАОН. Я предчувствовал горечь перемен. Конец Египетского царства близок! Проявление жалости со стороны царей неуместно и опасно. Любовь и жалость, справедливость и милосердие, несовместимы с властью. Они расшатывают троны. Становится всё сумеречнее! Ты разве не замечаешь, Амнерис?

АМНЕРИС. Это солнце опускается! И темнеет Нил!

ФАРАОН. Нам подобает торжествовать над врагами, а не жалеть их!

АМНЕРИС. Разве Радамес враг нам? Он любит тебя, отец!

ФАРАОН. О, как желал я сына! И такую боль, какую причинил мне Радамес, способен причинить только родной обожаемый сын! Я прощаю его! Призови Верховного Жреца! Я изложу ему свою волю! Скорее! Не медли! Бесценно каждое мгновение!

АМНЕРИС. И ты не забудешь про эту... чёрную рабыню?

ФАРАОН. Как истинно, по-царски, ты горда, Амнерис! Что ж, помилуем и рабыню! Ты не только горда, но и великодушна, дитя моё!

АМНЕРИС. Благодарю, благодарю тебя за то, что ты обратил свои милости на них! Сердце моё в огне! Плоть моя трепещет, дрожь сотрясает меня! Я шла через мир, созданный для меня, но не мною! И вдруг меня ужалило что-то неизвестное мне! И, если бы не Радамес и... Аида... Никогда мне было бы не понять, как люблю тебя, отец!

ФАРАОН. Горда, великодушна и одарена любящим сердцем! У тебя есть всё, что сулит одиночество! Страшно представлять мне твой грядущий земной путь! Зови Верховного Жреца! Поспеш! Пелена уже окутывает мои уста.

АМНЕРИС. Я люблю тебя, отец! (Выбегает и слышен её голос) Скорее! Скорее! Должно выслушать повеление Фараона!

Возвращается с Верховным Жрецом и Ахмадом.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Да будет Фараон жив, здоров и невредим! Долгой жизни тебе и процветания! И ты, дочь Фараона, сияй в имени своём!

АХМАД. Пусть Боги продлят годы твоего царствования долее, чем у других царей! И тебе мир, царевна, любимая отцом своим!

АМНЕРИС. Довольно приветствий! Бесценно каждое мгновенье! Божественный отец! Вот - перед тобою Верховный Жрец и военный начальник! Они внимают тебе! И тотчас поспешат, исполнить любое твоё повеление!

Фараон не реагирует.

АМНЕРИС. О, мой божественный отец, собери же все свои силы! Мы ожидаем твоих повелений!

Пауза. Фараон недвижим.

АМНЕРИС. (Подходит к нему и вглядывается) Отец! Неужели огонь жизни погас в тебе?

АХМАД. (Подходит к Фараону, подымает его руку, рука падает) Вот так умирают фараоны.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Фараон бессмертен!

АХМАД. Пусть дадут ему Боги счастливую вечность!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Я молил нынче Богов от восхода и до заката, чтоб даровали они Фараону милость. И разве это не высшая милость - предстать перед сонмом Богов и

удостоиться их приветствий? (Обращается к Фараону) Как счастлив ты сейчас! Тебя ожидают рождение в новой жизни и обновление!

АМНЕРИС. (Бросается на тело отца и кричит) Отец! Нет! Нет! Нет! Я не хочу! Отец, вернись! Ты ещё так недалеко от меня! Молю тебя - вернись!!!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Что слышу я, Амнерис? Богам угодно смирение и послушание. Боги не прощают непослушания.

АМНЕРИС. Нет, нет, я не хочу!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Ты - дочь Фараона! Вернись же на путь, приличествующий твоему величию!

АМНЕРИС. Ты прав, Верховный Жрец! Ты всегда прав. Мой долг сейчас - огласить последнюю волю Фараона.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Вот теперь мы узрели истинную царевну! Говори! Отныне наш долг прославлять имя Фараона и исполнить все его замыслы.

АМНЕРИС. И перед своей смертью повелел Фараон отпустить из Египта Радамеса и Аиду, ибо узрел в их поступке только недомыслие.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Фараон, который сделал свой трон столь сильным, сам захотел расшатать его? Сейчас, когда взбунтовался и дезертировал в Эфиопию целый легион наёмников, Фараон повелел отпустить из Египта Эфиопскую царевну и её любовника? Того, кто командовал Египетским войском и знает все военные тайны? Это невозможно!

АХМАД. Я готовлюсь сражаться как лев и произвести такую резню, которой мир не видел! А эту любовную парочку следует казнить немедленно. Казнь назначена на завтра, пусть завтра и состоится.

АМНЕРИС. Как? Ещё не остыло тело Фараона, не отлетела его душа, а те, что должны исполнять его волю, спешат уклониться? Если бы Фараон был жив, кто осмелился бы возразить ему? А теперь твои уста закрыты, отец! Но Умерший воскреснет в Великом доме, и отверзнутся его очи и уста... И горе, горе будет тогда тем, кто осмелился здесь, в царстве его, нарушить его последнюю волю!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Фараон не успел высказать свою волю сам. И в этом усматриваю я замысел Богов.

АМНЕРИС. Должна ли я понять тебя так - ты не веришь словам царевны?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Я этого не говорил. Я хотел сказать, что сейчас благодатен и желанен совет Богов. Утром мы соберём египетский народ. Поднесём в Храме дары Богам и узнаем их волю. А тебя, Амнерис, прошу - воздержись от траурных одежд, дабы не ввергать народ в печаль в тяжкое для Египта время. Повременим объявлять о смерти Фараона. А я пришлю жрецов с аравийскими благовониями, и с помощью божественных ароматов они сделают запах Фараона совершенным. И его благоуханная душа станет издавать сладкий аромат, а его лицо не изменится и не испортится. И члены сохранятся, нетленными. И никогда Фараон не возразил бы, не отказался бы выслушать волю Богов! Особенно теперь, когда Боги готовятся принять его в своей обители. Я же явился сюда из Храма, в Храм и удалюсь. Я иду готовить праздник, на котором Божественные силы явят свою волю перед лицом жрецов. И мы объявим их решение египетскому народу. А ты, царевна, береги величие своё! (Уходит)

АХМАД. Неужели так просто умирают фараоны?

АМНЕРИС. Слова твои скорбны, Ахмад, но голос твой - это голос того, кто ликует.

АХМАД. Обрати твои милости ко мне, царевна! И обопрись на меня! Как же просто умирают фараоны! И как просто фараонами становятся!

АМНЕРИС. Уж не мечтаешь ли ты стать фараоном?

АХМАД. Мечтаю, царевна! Я умею мечтать!

АМНЕРИС. И не предчувствуешь, как близок ты к трону?

АХМАД. Робею отвечать тебе, царевна.

АМНЕРИС. Не слова нужны мне, а поступки. Сделай так, чтоб Радамес и Аида покинули Египет. И тогда - я выйду замуж за тебя.

АХМАД. Весь Египетский народ считает, что расплатой за злодеяние Радамеса может быть только смерть. Спасти этих двоих трудно.

АМНЕРИС. Но и тебя возвести на трон нелегко.

АХМАД. Ты хочешь даровать жизнь тому, кто причинил отцу твоему боль, унижение и смерть? Ты хочешь даровать жизнь рабыне, отнявшей у тебя жениха? И за это предлагаешь мне половину всей власти над Египтом?!

АМНЕРИС. Душа отца здесь, и тело не остыло, а я уже торгую тронном!

АХМАД. Эка невидаль! Тронами торгуют повсюду, и всегда будут торговать! Но чтоб предлагать его за такую малость! Что ж, Радамес и рабыня получают свободу, если я получаю за это трон!

АМНЕРИС. Предупреждаю тебя, воин, - не рискуй! Горе, горе тебе, если попытаешься словчить!

АХМАД. Я был беден, а стану богат! Меня не уважали, а я стану великим! Я был простым воином, а теперь взойду на трон!

АМНЕРИС. Так будет, если Верховный Жрец не доживёт до утра! И, если утро принесёт Радамесу и Аиде, не казнь, но свободу.

АХМАД. Часы Верховного Жреца сочтены. Я - воин. Я привык убивать. (Уходит)

АМНЕРИС. (Опускается на колени у ложа Фараона, кладёт лицо на его ладони) Отец, отец, уже скоро ты присоединишься к Богам. Умоли Богов постоять за Радамеса и Аиду. Пусть они останутся на земле, ибо пустыней станет для меня без них земля. Люди будут прославлять твоё имя, а я буду плакать о тебе. Я плачу, и полны твои ладони слёз моих. И, если слёзы мои драгоценны, но никто богаче тебя ещё не отправлялся в этой ладье к Богам.

Картина 9

Место действия то же, что и в 3-ей и 5-ой картинах. И снова ночь. Амнерис без чувств раскинулась на крепостной стене. На голове у неё венок из живых, но уже увядших цветов. Ахмад спускается по лестнице к Нилу, шлемом зачерпывает воды, возвращается к Амнерис и льёт ей воду на лицо.

АХМАД. Струны были готовы, но она заиграла на них не те песни. Неужели я допустил оплошность и убил её?

АМНЕРИС. (Стонет) Где я?

АХМАД. В Египте.

АМНЕРИС. В Египте? И тебе известно, что это означает - быть в Египте?

АХМАД. Быть египтянином - это быть счастливейшим из смертных. Я горжусь своей Державой!

АМНЕРИС. Похоже, у тебя на всё есть ответ. Может быть, ты скажешь мне - кто я?

АХМАД. Ничего нет проще! Ты - царица.

АМНЕРИС. Вот как? А имя у меня есть?

АХМАД. Есть имя. Амнерис.

АМНЕРИС. (Снимает с головы венок, рассматривает и покачивает головой) Все цветы завяли! Бедные цветы!

АХМАД. Разве ты забыла своё имя?

АМНЕРИС. Наоборот только что вспомнила. Имя мне – Одарённая, цветами. Но кто ты?

АХМАД. Твой жених.

АМНЕРИС. Но даже жениху царицы не помешало бы имя? Есть оно у тебя?

АХМАД. Конечно. А у тебя, царица, помутился разум. Я думал, цари - люди особые, уже почти и не люди. А смотрю - ты слабая женщина.

АМНЕРИС. Где Радамес? Я совсем очнулась и вновь готова за него бороться! (Вскакивает)

АХМАД. (Хочет) Ни кусочка от того, что было Радамесом, не осталось. Весь Радамес, от золотых кудрей до пяток, которые он слишком часто мыл, весь-весь он отправился на обед крокодилам. Когда я ударил его дубинкой по коленям, он успел схватить за руку Аиду и увлечь за собой со стены в Нил. Вот здесь, на этой стене устраивали они свои свидания. И отсюда же улетели, крепко держась за руки, и растворились в водах Нила.

АМНЕРИС. Я вспомнила всё. Здесь они вошли во врата любви... И неужели дорога любви приводит только к смерти?

АХМАД. Меня эта дорожка приведёт к власти. А ты, царица, найдёшь на этой дорожке то, что любая рабыня получает от мужчины.

АМНЕРИС. Царицы и рабыни равны перед любовью. (Сильно вздрагивает) Ты будешь звать меня - “Одарённая цветами”?

АХМАД. Мне тревожно подле тебя, Царица. Сегодня в Храме, когда народ узрел замысел Богов, и судьба Радамеса и Аиды была решена, ты стала громко проклинать Верховного Жреца, Богов, Египетский народ. Ты схватила мою палицу и крушила всё вокруг. Ты размахивала тяжёлой палицей, словно пушинкой, - а это не всякому воину под силу. Ты учинила множество разрушений, покалечила граждан, пыталась убить Верховного Жреца и освободить Аиду и Радамеса. Что с тобой, царица, любимая богами?

АМНЕРИС. Кто посмел коварно нанести мне сзади по голове удар палицей?

АХМАД. Все толпились и кричали. Вряд ли есть свидетели. Но дерзкий всё равно будет найден и казнён. Ты кричала в Храме, перекрывая рёв толпы: “ Я люблю тебя, Радамес! Я люблю тебя, Аида!” Народ видел, что Боги велют казнить Радамеса и Аиду. И народ в тысячи глоток вопил: “ Казнить их! Казнить немедленно! Казнить мучительно!”

АМНЕРИС. А как ещё недавно народ славил и превозносил Радамеса!

АХМАД. Но твой голос, словно тяжёлая раненая птица, кружил над толпой. И все слышали: “ Я люблю тебя, Радамес! Я люблю тебя, Аида! (Хохочет) Народ усвоил одно - Богам угодно послушание. И народ уничтожит тех, кто дерзнёт проявить непослушание Богам. Твой бунт против Богов, царевна, вызвал в народе смятение. И мне ничего не осталось, как объявить народу, что тебя, царевна, поразили внезапный и тяжкий недуг. Так же как и отца твоего, Фараона. Народ ещё не знает, что Фараон мёртв.

АМНЕРИС. Ты веришь в мою болезнь?

АХМАД. Больна ты или здорова, царевна, но возьми меня поскорее в мужья.

АМНЕРИС. На всё воля Богов. Уж тебе-то это известно. Спросим у Богов и последуем их указанию.

АХМАД. Ты обещала мне, царевна!

АМНЕРИС. А где то, что обещал ты мне, воин?

АХМАД. Я своё обещание стремился исполнить!. Я щедро насыпал в чашу яда и хитростью побудил Верховного Жреца выпить чашу до дна.

АМНЕРИС. И что же? Он всё-таки дожил до утра! И, возможно, жив и сиё мгновенье.

АХМАД. Стало быть, Боги назначили иной срок смерти для Верховного Жреца. Что же я могу поделать в таком случае?

АМНЕРИС. Одни яды убивают, едва попав на губы, а другие подтачивают жизнь годами. Разве не знаешь ты, что разные бывают яды?

АХМАД. Я проверил яд на своей рабыне. Едва я заставил её пригубить, как у неё лопнули глаза, и из них обрушился гной, пена хлынула из носа, а из ушей кровь... Она разодрала рот, но крикнуть не успела. Дыхание прервалось. Это была здоровая крепкая десятилетняя рабыня. Я предавался с ней утехам, и всего от одной капли яда она стала мертва.

АМНЕРИС. Но, тот же самый яд, не подействовал на Верховного Жреца? Выходит, перед ядом, Жрец и рабыня не равны?

АХМАД. Я думаю, сейчас Верховный Жрец уже мёртв.

АМНЕРИС. Вот как? Ты так думаешь? Сейчас он может уже быть мёртв? Пора пришла.

АХМАД. Хорошо, что закончился, наконец, этот день, когда неудача следовала за неудачей. Я хотел рабыню казнить первой, но народ кричал: “Смерть Радамесу”. И пришлось первым казнить Радамеса. Аида протянула к нему руки и, падая в Нил, он схватил её за руки и увлёк за собой. Вот здесь он стоял, на этом самом месте. Зачем я доверился Радамесу? Видел же, как он и Аида смотрели друг на друга. Знаешь, Амнерис, глаза их пели. И я так долго предвкушал, как отведу эту маленькую чёрную Аиду подальше от края стены, чтобы она сразу не свалилась в Нил. И стану не спеша забивать её палицей на глазах у Радамеса, пока не переломаю ей все кости. А, Радамес, будет плакать и молить меня, убить её поскорее! С каким наслаждением я предвкушал это! Как страстно стремился к этому! Но неудачи шли чередой. Сначала, пришлось первым казнить Радамеса. Аида вовсе избежала моих рук. Нил кишел крокодилами. Их специально приманили заранее. Для меня стало бы хоть каким-то утешением поглядеть, как крокодилы рвут и пожирают Радамеса и Аиду. И снова неудача. Радамес и эфиопянка ушли под воду и больше их не увидел никто.

АМНЕРИС. Если уж начались неудачи, готовься к новым!

АХМАД. Когда ты станешь моей женой? Назначь!

АМНЕРИС. Сейчас и назначу! Так значит, Радамес стоял здесь, где сейчас стоишь ты?

АХМАД. Да, он - здесь. А я - как раз, где ты сейчас.

ПАУЗА.

АМНЕРИС. А почему ты ударил его по ногам?

АХМАД. Хотел продлить его муки. Хотел, чтоб крокодилы рвали его, живого! Мне даже снилось, как сначала я заставлю Радамеса смотреть на мучения Аиды. А после он увидит, как её сожрут крокодилы. А потом наступит его черёд. И я буду ломать его

кости и глядеть, как терзают его тело множество зубастых пастей. И я буду сверху весело его подбадривать, выкрикивая что-нибудь шуточное. И наслаждаться, и смеяться. Но как ничтожно мало получил я!

АМНЕРИС. Я пропустила их казнь. Покажи мне, как ты ударил Радамеса.

АХМАД. Да просто под коленки, со всего плеча.

АМНЕРИС. Дай дубинку!

Ахмад отдаёт ей дубинку.

АМНЕРИС. (Взмахивает) Вот так вот?

АХМАД. Эй, осторожнее!

Амнерис бьёт его под колени.

АХМАД. Что ты делаешь? (Качается, пытается удержаться, падает на руки, хватается за стену)

Амнерис бьёт его дубинкой по рукам.

АХМАД. Будь проклята! (С криком падает со стены)

Слышен удар тела о воду, жуткие вопли. Какие-то неведомые ночные птицы, встревоженные шумом, поднимают крик. Ахмад вопит. Амнерис смотрит вниз со стены. Всё смолкает.

АМНЕРИС. С Ахмадом кончено. И царям приходится иногда убирать за собой.

Появляется Верховный Жрец. Он едва стоит на ногах и словно бы ослеп. Он нащупывает лестницу и медленно, неуверенно ползёт по ней наверх.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Царевна! Я слышу твой голос!

АМНЕРИС. Да, пока ещё я царевна. И что тебе надо от меня?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Царевна!

АМНЕРИС. Куда девалось твоё красноречие? Ты не обращаешься ко мне, а окликаешь меня, словно рабыню. Где многословность и витиеватость обращения? Где преимущества царевны перед рабыней?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Я ослеп. Я не вижу тебя.

АМНЕРИС. Ты не видишь меня и потому усомнился, что я - царевна? Разве надо заново разглядывать меня каждый раз, дабы убедиться, что я - царевна? Если уж я родилась царевной, то разве это не навсегда? Странные твои речи, Верховный Жрец! Не дерзнул ли ты противоречить Богам, пожелавшим создать меня царевною?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Я перебую твою речь, царевна! Прости! Мой язык немеет. Боюсь, что не успею сказать. Ахмад отравил меня. Я знаю этот яд, но знаю и противоядие. Но сейчас я обессилел. Помоги мне, царевна! Скорее!

АМНЕРИС. Ты хочешь, чтоб царевна была у тебя на посылках! Позови любую рабыню!

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Нет рядом рабыни!

АМНЕРИС. Стало быть, если нет под рукой рабыни, то и царевна сгодится? По-твоему, нет разницы между царевной и рабыней? И одна вполне может заменить другую?

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Спешите! Я умираю.

АМНЕРИС. Я завидую тебе. Скоро ты предстанешь перед Богами.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Ты хочешь моей смерти, царевна?

АМНЕРИС. Хочу или нет - что от этого зависит. Я не хотела смерти отца - а он умер. Я не хотела смерти Радамеса. Но нет и его. Я послушна воле Богов. Как ты был послушен, отправляя Радамеса и Аиду на казнь. Все мы научились быть послушными воле Богов.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Я доберусь сам до противоядия. (Ощупывает стену) Где я?

АМНЕРИС. Говорят, тут Египет. Но сама я, ни за что поручиться не могу. Я не уверена ни в чём. Кто я? Где я? И совсем не могу поручиться за то, что станется с тобой через некоторое время.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Я узнал эту лестницу. Лестницей Радамеса прозвали её рабы. Здесь он любил и здесь принял смерть. Отсюда я найду дорогу во дворец и без тебя. Мой срок отправиться к Богам не наступил ещё.

АМНЕРИС. Не всегда мы решаем сами за себя - жить нам или умереть. (Со всего маху бьёт его дубинкой)

Верховный Жрец падает, скатывается с лестницы и остаётся недвижим.

АМНЕРИС. Как отвратительно быть царевной в Египте. Хуже только одна доля - быть Фараоном. И неужели наше предназначенье на земле неотвратимее наших устремлений? Неожиданно Верховный Жрец резко вскакивает.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Рука твоя тяжела, как у мужчины! Ты же горда, царевна! Ты достойна поединка на равных. Где-то поблизости я потерял свою палицу. Найди и подай мне! Сразимся и поглядим, чью сторону примут Боги.

АМНЕРИС. На равных я рискую быть поверженной. А моя цель - тебя убить. Благородство - не тот приём, который можно ввести в середине событий. Если с самого начала обходились без благородства, то в разгаре призывать его и вовсе неуместно. Только сделайся овцой, а волки набегут. (Замахивается на него сверху палицей)

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. Опомнись, царевна! Ты подняла палицу на Верховного Жреца! У тебя помутился разум! (Закрывает голову руками, ожидая удара)

АМНЕРИС. Ты прав. Мой разум бунтует. Иначе откуда мысль, которой здесь не место? Мне не страшно убить Верховного Жреца. Но, как тоскливо забивать беззащитного! Но сейчас не время об этом думать. (Со всего маху опускает палицу на голову Верховного Жреца, но попадает ему по поднятым рукам)

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. (Метнулся от неё в сторону) Ты переломала мне руки! Остановись, Амнерис! Опомнись! На этих руках я держал тебя, когда ты была совсем крошкой. Этими руками я учил тебя жонглировать золотыми шариками! Я учил тебя молиться Богам! Разве моя вина, что Радамес предал Египет? Я не раз предупреждал Фараона! Вы поступили, согласно своим желаниям. Что же ты хочешь от меня? Как мог я отпустить Радамеса? Разве по силам мне повернуть течение Нила вспять? Ведь это же Радамес променял тебя на ничтожество! На эту чёрную эфиопянку!

Амнерис бьёт его палицей.

ВЕРХОВНЫЙ ЖРЕЦ. (Кричит) Амнерис, пощади! Я стар! Мне больно! Я помню тебя ребёнком!

Амнерис добывает его.

АМНЕРИС. Да пожалейте хоть кто-нибудь меня! Как тяжело убивать старого и беззащитного, и молящего о пощаде! Как страшно пред Богами! Всё... Конец... Мёртв... Неужели это кровавое месиво только что было живым человеком? И когда-то я сидела у него на коленях? И смеялась... Нет, никто не узнает в этом Верховного Жреца! Я вся в его крови! Одежда моя - лохмотья. Но разве теперь я менее царевна, чем была раньше? Я смою всё это в тех же водах Нила, что приняли в себя души Радамеса и Аиды. Хватит ли всех вод Нила, чтобы смыть эту кровь?

Амнерис спускается к воде. Светает.

АМНЕРИС. Мой венок! Ты чудом удержался на моей голове! А теперь плыви, плыви в водах Нила! (Опускает венок в воду и провожает взглядом) О, солнце! Ты взшло! Ты поднимаешься над Нилом изо дня в день и рассыпаешь лучи своего света по всей земле. Дозволь мне по твоему лучу взойти на небесные высоты! На небо, которое вечно, где обитают возлюбленные мои, отец и Радамес. И моя беззащитная соперница - маленькая чёрная Аида. Жемчужина чёрная, жемчужина белая... Дозволь мне присоединиться к ним. Я отдала им в дорогу своё сердце. И они унесли его с собой в высоту. А я осталась так низко, на земле одиночества моего. Но отныне все дни на земле я буду воспевать возлюбленных моих. Бездонна память о вас. И только из неё осталось мне черпать силы на каждый день.

Раздаётся громкий храп. Амнерис одним прыжком оказывается в ладье и вытаскивает оттуда сонного Писца.

АМНЕРИС. (Хохочет и трясёт его) Писец! Ты уснул, подглядывая за историей Египта?

ПИСЕЦ. (Вырывается) Пусти меня, грязная девка! Ничтожная рабыня! Я - чиновник Фараона! (Дерётся с Амнерис)

АМНЕРИС. Уймись! Перед тобой - царица!

Писец вертит головой во все стороны.

ПИСЕЦ. Что ты болтаешь, рабыня? Где ты видишь царицу?

АМНЕРИС. Не верти головой! Я - царица.

ПИСЕЦ. Ты царица? А я подумал, что ты - сам Фараон!

АМНЕРИС. Являемся ли мы тем, что думаем о себе сами? Или мы то, что видят в нас другие? Какие мы на самом деле? Истинный ответ никогда не бывает окончательным!

Записывай в свои таблички! Сегодня Боги забрали живым на небо Верховного Жреца.

Он нужнее им там, на небе. Поэтому, тела его не осталось на земле.

ПИСЕЦ. Записываю! (Достаёт табличку и перо)

АМНЕРИС. О, как беззащитны история и истина перед людьми!

Картина 10

Тронный зал. Всё в точности, как во 2-ой картине. Новое здесь только - огромная фреска с изображением Фараона, Амнерис и Радамеса. В том кресле, в котором ранее восседал Фараон, теперь Амнерис в одной набедренной повязке. Голова её обрита наголо. Она, в отличие от отца, сидит без подушек. Две рабыни обмахивают её опахалами из страусовых перьев. Четыре другие рабыни обряжают. Две из них протирают губками её тело. Третья втирает в кожу Амнерис масла. Четвёртая окуривает благовониями.

Писец на своём обычном месте с вечным папирусом, кисточкой, чашей и коробкой с краской.

По обеим сторонам балкона стража. Перед балконом собираются граждане Египта. Зловеще бьёт барабан.

Амнерис сидит, словно мёртвая, и речь её, обращённая к Писцу, не сопровождается не единым жестом, не единым движением.

АМНЕРИС. Я - словно безграничная изначальная вода, окутанная густой тьмой. Но во мне скрыты семена всего, что появится потом в Египте, во всём мире. Во мне сам этот будущий мир.

Писец усиленно пишет. Видно, что перенести речи Амнерис на папирус стоит ему огромного напряжения.

ПИСЕЦ. (Бубнит) Царевна обратилась в бесконечную воду...

АМНЕРИС. Старайся, Писец! История сохранится такой, какой будет выглядеть в твоих записях. История гораздо больше зависит от писцов, нежели от царей. Ты можешь, своей кисточкой, и унижить, и возвеличить Египет. Не важно, что сам ты ничтожество. История подчиняется твоим пальцам. Рисуи своими знаками важную новость. Царевна Амнерис внезапно умерла. А Фараон выздоровел.

ПИСЕЦ. (Пишет и бубнит) Наступили несчастливые дни. Лучше египтянам не выходить из дома, не зажигать огня и не приближаться к женщинам. Фараон, не зная отдыха, кричит от боли, хороня единственную дочь свою, царевну Амнерис.

Рабыни облачают Амнерис в парик Фараона и накладную бороду.

АМНЕРИС. Боги пожелали продлить дни Фараона на троне.

Граждане Египта выкрикивают перед балконом:

“Фараону долгой жизни и процветания!”

“ Да пребудет всегда с Фараоном милость Богов!”

“Слава Богам!”

“ Фараону слава!”

“ Да здравствует великий Фараон!”

Рабыни привязывают к поясу Амнерис передник из нитей бус, увенчанный солнечными дисками. Надевают на ноги сандалии, убирают украшениями и ожерельями. Вид Амнерис сейчас должен вызывать содрогание. Полуодетая, с голой женской грудью, но с бородой и в мужском парике.

Барабанная дробь нарастает.

Амнерис туго спелёнывают грудь.

АМНЕРИС. (Чуть застонала от боли, но сразу оборвала стон) Во мне дух отца моего Фараона, но я не Фараон. Я была царевной Амнерис, но больше я не царевна. Я породила себя сама. И сама приняла облик Фараона. Я - власть и одиночество. Я целиком свершу мою волю на моей земле. Я укреплю её рукою своею. Воля моя будет неутомима от рассвета до заката. И деяния мои будут освещать сумерки Египта. Прости, любимый отец! Простите, Радамес и Аида, отмщённые мною! Я поместила всех вас в своём сердце, в крошечной тьме, а ключи утонули в водах Нила.

На Амнерис надевают длинную непрозрачную тунику и повязывают пояс.

Призывная барабанная дробь.

Амнерис подымается с кресла. Её не узнать. Это мужчина. Это Фараон.

Амнерис направляется к балкону, но перед самым выходом на балкон останавливается.

Народ вопит: “Фараону слава!”

АМНЕРИС. О, какая крошечная тьма в глазах! И только смерть витает рядом в обличьях чудовищ! И неужели столь жалкий и бесконечный путь предстоит мне? Зачем, зачем я рождена в этом мире?

Вбегает взволнованный возбуждённый Художник с криками: “Царевна! Царевна!”

АМНЕРИС. Где видишь ты царевну, глупый и крикливый Художник? Царевна пребывает там, откуда ещё никто не вернулся. Раскрой глаза пошире и взгляни, кто перед тобой.

ХУДОЖНИК. (Заикается) А-а...а-а... (Кричит от ужаса) Ааааааа!!!

АМНЕРИС. Умолкни! Если будешь прыгать, как козлёнок, налетишь на колючий куст.

ХУДОЖНИК. Фараон?!

АМНЕРИС. А почему ты так удивлён? Я изменился из-за печали по единственной возлюбленной дочери.

ХУДОЖНИК. Да будешь ты жив, здоров и невредим! Да продлят Боги твои дни более других царей!

АМНЕРИС. С какой вестью ты столь стремительно вбежал? Неужели ты думаешь, что для меня ещё могут быть новости в этом мире?

ХУДОЖНИК. К берегу у самого дворца прибило корзину с двумя младенцами. С мальчиком и девочкой.

БОЛЬШАЯ ПАУЗА.

ХУДОЖНИК. Детей побросали в корзину кое - как и даже не уложили рядом погребальных одежд... это - не дети египтян.

ПАУЗА.

ХУДОЖНИК. Девочка чёрная, а мальчик белый и очень красивый.

ПАУЗА.

ХУДОЖНИК. Дети ещё ничего не смыслят, весело смеются и тянутся к водам Нила.

ПАУЗА.

ХУДОЖНИК. Что повелит Фараон сделать с найдёнышами?

АМНЕРИС. Нил отнимает у нас самое дорогое. И мы бессильны перед течением его вод. Но Нил и одаривает нас... Повелеваю! Внесите детей во дворец!

КОНЕЦ